
Андрей
Ливадный
Жизненное пространство

Annotation

Продолжение сюжетной линии «Острова Надежды» рассказывает о случайном открытии древнего циклопического сооружения расы Инсектов.

Андрей Ливадный Сфера Дайсона (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 8.5) (Остров надежды — 4)

Пролог

«…2609 год, который принято считать годом перелома в Первой галактической войне, когда события начали медленно, но неуклонно оборачиваться в пользу Свободных Колоний, является не только знаковой датой в истории побед. На самом деле за успехами зарождающейся Конфедерации Солнц стояло множество отдельных, трагичных эпизодов, в каждом из которых, — сотни тысяч, а иногда и миллионы человеческих судеб, отданных на заклание этому алчному, ненасытному зверю, имя которому — война.

Принято считать, что успехи Конфедерации в противостоянии с исторической прародиной предопределены массовым героизмом колонистов, давших яростный отпор захватчикам, но многие историки, констатируя сей факт, забывают уточнить, что чаще всего этот самый героизм был рожден не ненавистью, а скорее безысходностью.

Подобную ситуацию очень ярко иллюстрирует так называемая „Звездная Крепость“, покинувшая орбиту планеты Элио накануне перелома, в декабре 2608 года. Это была огромная орбитальная станция, переоборудованная для дальних космических перелетов. Ее экипаж составили те, кто не желал принимать участия в бойне, которая разгоралась в пространстве колонизированных планет.

„Звездная крепость“ ушла в просторы неисследованного космоса, унося на своем борту несколько десятков тысяч беженцев. Эти люди, собранные с разных, дотла разоренных войной планет, предпочли неизвестность кровавому противостоянию, но, судя по некоторым данным, почерпнутым из недавно рассекреченных архивов Земного Альянса, их путь был отслежен, а сама станция подверглась уничтожающей атаке со стороны печально известного Третьего ударного флота, которым командовал адмирал Надыров.

Что на самом деле произошло со станцией, и какова ее дальнейшая судьба, остается только догадываться. Архивы Конфедерации и Альянса упорно умалчивают об этом, известно лишь, что Третий ударный флот Земли понес жестокие потери в некоем незадокументированном сражении и позже был расформирован…»

(Ежемесячное обозрение «Все Миры», август 2793 года)

2608 год Галактического Календаря. Где-то, за границами Освоенного Космоса…

Черный купол небес пересекала уродливая трещина.

Тело в скафандре, оторванное от ложемента орудия, медленно вращалось посреди простреленного лазерным лучом блистера[1].

В изуродованном боевом отсеке вот уже несколько минут царил вакуум, космический холод и гробовая тишина, но в контуженном сознании Олега все еще ворочался глухой удар, тонкий свист уходящего в вакуум воздуха и ровный, затихающий по мере истечения атмосферы голос:

— Внимание, декомпрессия! Нарушение герметичности корпуса! Личному составу проследовать… — Дальне глас бортовой кибернетической системы истончился до едва различимого шепота. Воздух больше не свистел, улетая в трещину, — его попросту не осталось.

Тело в скафандре продолжало медленно вращаться, потом его ударило о внутреннюю поверхность треснувшего купола, и от этого мягкого, совсем не болезненного толчка Таиров пришел в себя.

Мгновенный, парализующий страх на секунду захлестнул разум. Его очнувшемуся сознанию вдруг показалось, что покрытый трещинами купол сейчас развалится, выдавится наружу, и тогда его тело навек поглотит необъятная Бездна, что расплескалась вокруг на миллиарды километров.

Инстинктивно оттолкнувшись руками от внутренней стороны купола, он поплыл в обратном направлении, к шлюзу, ведущему на орудийную палубу «Звездной Крепости».

Пролетая над изуродованным ложементом орудия, Таиров внутренне похолодел, сжался — ведь смерть прошла совсем рядом, чиркнув лазерным лучом по станине комплекса, подрезав сложный механизм противоперегрузочной подвески, распоров шланги гидравлики, из которых толчками продолжала выплескиваться в вакуум желтая маслянистая жидкость, которая тут же собиралась в огромные студенистые капли и расплывалась в разные стороны, грозя через несколько минут заполнить весь отсек.

Сердце билось глухо и неровно. Толчки крови отдавались в ушах болезненным шумом. Пальцы, затянутые в гермопластик перчаток, казались чужими, непослушными, и ручной привод шлюза никак не хотел поддаваться их усилиям.

Состояние Таирова можно было легко объяснить и понять: солдатом он стал лишь два года назад, когда из необъятного мрака пространства, в

непосредственной близости от родного Дабога, внезапно появились зловещие крейсеры Земного Альянса. До этого момента Олег имел лишь общее представление о космосе, и никакой специальной подготовки не проходил.

Руки наконец справились с механизмом отпирания люка, и он вплыл в тесный тамбур переходной камеры.

Бывший агротехник Таиров, как и многие другие члены экипажа «Звездной Крепости», стал солдатом поневоле, а уж астронавтом, — тем более. Бездна угольно-черного пространства, усеянного колючими точками звезд, и по сей день вызывала в нем необъяснимую внутреннюю дрожь, хотя, если судить по большому счету, чего может бояться человек, переживший тотальную атомную бомбардировку собственной планеты и два года скитавшийся по чужим мирам?..

Внешний люк наконец встал на место. Сработала механическая заслонка, и внутрь переходной камеры начал поступать воздух из прилегающего к шлюзу коридора станции. Олег стоял, глядя, как медленно карабкается вверх световой столбик электронного манометра, и понимал, что бегство от войны было всего лишь утопической мечтой, иллюзией, соломинкой, за которую он пытался ухватиться.

Нет. Ему не удалось бежать, он понял это, когда внутренняя система оповещения станции вдруг взорвалась надсадным воем ревунов тревоги. Этот звук был хорошо знаком ему, он въелся в душу, в разум, еще на Дабоге.

Он знал, что на борту станции, помимо взрослых, есть еще и дети, поэтому, не колеблясь, занял предложенный ему пост в блистерной орудийной башне, хотя и боялся открытого космического пространства до тошноты.

Война слишком часто не предполагает выбора.

* * *

Выбравшись в коридор, он остановился, прислушиваясь. Рядом с выходом был закреплен монитор автоматической камеры слежения, и Олег смог не только услышать, что творится внутри станции, но и взглянуть, как развивается ситуация вовне.

А положение складывалось отчаянное.

В глубинах станции глухо, надсадно выли сигналы тревоги.

Огромный электронно-механический мир погибал, тяжко агонизируя под ударом трех крейсеров. Бесноватые лазерные лучи полосовали его обшивку, оставляя вишнево-красные рубцы на серебристом материале

брони; изредка особо удачное попадание срезало надстройку или прожигало насквозь металлокерамический сплав корпуса, и тогда в космос начинал беззвучно бить мутный гейзер мгновенной декомпрессии, в котором обломки механизмов, осколки брони и человеческие тела оказывались смешаны воедино с кристаллами моментально замерзающего в вакууме воздуха.

Со стороны огромная межзвездная станция походила на круглый, постоянно извергающийся во многих местах вулкан.

Рубиновые вспышки инфракрасных лазеров освещали беззвучную агонию рукотворного комплекса, подкрашивая картину в знакомый, привычный человеку цвет свежепролитой крови, делая вишневые рубцы ожогов похожими на раны.

…Несколько секунд Олег смотрел на эту зловещую картину, не в силах отвести взгляд от монитора понимая, что станции уже не жить с такими повреждениями брони.

Включив коммуникационное устройство скафандра, он попытался связаться с постами управления но тщетно. Никто не отвечал, в коммуникаторе царила глухая тишина, ее не нарушали даже бессвязные выкрики, как это было в самом начале боя.

Им вдруг овладела яростная, обреченная злоба. Олег не понимал смысла этой атаки, — ведь «Звездная Крепость», хоть и несла на своем борту комплексы противокосмической обороны, на самом деле была сугубо мирной огромной станцией, переоборудованной в неуклюжий, тихоходный колониальный транспорт, в недрах которого, в тиши криогенных залов, спали сейчас тысячи измученных беженцев, пытавшихся скрыться от ужасов войны.

Неужели это непонятно тем выродкам, которые бросили в атаку на тихоходную конструкцию целый космический флот? Что им нужно от несчастных людей, переживших гибель собственных планет?

В душе Олег знал ответ: кровь уже давно помутила разум миллионов солдат, вовлеченных в эту войну. Безумие охватило Вселенную — то самое безумие, от которого он пытался бежать…

Мысль о том, что можно сдаться, даже не пришла ему в голову. Человечество оказалось слишком контрастно разделено на две половины: с одной стороны была Земля, с другой Свободные Колонии, и схватка между ними казалась непримиримой. Для Олега и подобных ему не было никакой нужды в пропаганде. Радиоактивный пепел родного Дабога, заключенный в специальную освинцованную капсулу, постоянно жег его грудь, напоминая, что в прах уже превращены целые планеты и никакого компромисса быть

не может. Единственной альтернативой смерти была победа, но в данной ситуации она казалась абсолютно невероятной.

…Из минутного замешательства его вывела сверкнувшая в конце коридора вспышка.

Больше не задумываясь, он ринулся туда, где в сумраке аварийного освещения расцветали короткие, злые хоботки огня, пляшущего на срезах электромагнитных компенсаторов импульсных винтовок.

* * *

Атаку на станцию вел Третий ударный флот Земного Альянса.

На мостике флагмана офицер штаба негромко докладывал адмиралу Надырову оперативную обстановку:

— …поражено более пятидесяти процентов обшивки. — Внятный голос офицера звучал ровно, без эмоций. — Наши потери составляют два крейсера и порядка сорока малых машин поддержки. Штурмовым группам удалось проникнуть в часть отсеков, прилегающих к пораженным участкам корпуса, но их дальнейшее продвижение серьезно затруднено. На борту станции работает система аварийной защиты, отсекающая пораженные секторы мощными герметичными переборками.

Надыров, слушая офицера, мрачно посмотрел на компьютерную модель станции. Глядя на испятнанный алыми и зелеными точками огрызающийся огнем бронированный шар, диаметром почти в пятьдесят километров, адмирал не мог мысленно не признать тот факт, что опять, в который уже раз, упрямое, фанатичное сопротивление колонистов ставило под сомнение не только смысл операции, но и его карьеру командующего флотом, а это для Надырова было намного важнее каких-то там цифр потерь и прочей статистической ерунды.

Его карьера полководца — вот что рушилось на протяжении последнего года, и самовольная, несанкционированная атака на эту станцию, обнаруженную его разведкой, была попыткой спасти эту самую карьеру, ибо — как не раз пытался убедить себя адмирал — победителей не судят…

Нет, положительно, его преследовал какой-то злой рок. Сначала на него свалили вину за провал бомбардировки Дабога, потом Дансия, — эта чертова аграрная планетка, где у него из-под носа ускользнул модуль старого колониального транспорта[2], и теперь эта станция…

Он не понимал фанатичного упрямства колонистов. Вокруг — бездонный, необъятный космос, помощи им ждать абсолютно неоткуда, обшивка станции поражена на пятьдесят процентов: по сути лазеры

главного калибра превратили ее в решето… и все равно они продолжают сопротивление, превращая прекрасно спланированную атаку в бессмысленную бойню без победителей и побежденных, ибо потери, которые понес его флот, уже не сможет оправдать никакая победа…

…В этот момент межзвездная станция опять огрызнулась ракетным залпом.

В напряженной тишине мостика зазвучал голос офицера, работавшего с тактической системой обнаружения:

— Внимание, наблюдаю запуск! Пятнадцать объектов класса «космос-космос», цель: флагман флота, крейсер «Тень Земли», дистанция семь тысяч километров!

Разноголосица команд и докладов тут же зазвучала в ответ:

— Система заградительного огня — готовность!

— Противоракеты ушли по пеленгу объектов!

— Двигательный, маневр по переданным данным!

Крейсер ощутимо качнуло — это двигатели ориентации смещали исполинский корабль, выводя его из-под залпа.

В глубинах крейсера зародилась дрожь, которая пробежала по переборкам палуб, отмечая таким образом шквальный огонь вакуумных орудий правого борта.

Надыров отвернулся от тактического монитора.

— Передайте на открытой частоте еще одно предложение о сдаче, — негромко приказал он ожидавшему офицеру.

— Если они не ответят, сэр?

Адмирал пожевал пустыми губами, метнул хмурый взгляд на экраны и ответил:

— Тогда даю тридцать минут на эвакуацию штурмовых групп и возвращение истребителей поддержки. С «Интерпрайза» сняли экипаж?

— Так точно, сэр!

— Все. Если они так упрямы и предпочитают смерть капитуляции, — их право, пусть подыхают. Последнее предложение о сдаче — и мы уходим. Приказ ясен?

— Так точно, господин адмирал!

Глава 1

2706 год Галактического Календаря. Глубокий космос. Район дрейфа «Звездной Крепости»…

С тех пор, как Человечество вышло в дальний космос, покинув границы своей звездной колыбели, мы вдруг, в какой-то миг перестали быть единым Целым. Цивилизация раздробилась, раскололась на тысячи осколков, которые безудержный порыв Галактической Экспансии разбрасывал за десятки, а иногда и сотни световых лет друг от друга.

Но люди, которые покидали Землю в надежде на райские, обетованные миры, в большинстве своем мало соответствовали той технике, которая уносила их в иные звездные пределы.

Между первыми полетами в космос и всеобщей колонизацией звезд прослеживалась слишком очевидная, разительная дисгармония… Действительно, ведь первые экипажи космических кораблей, равно как и первые обитатели научных станций-колоний на иных мирах, прежде всего на Луне и Ганимеде — знаменитом спутнике Юпитера, отличались своей образованностью, интеллектуальной и технической продвинутостью, способностью понимать ту технику, которой они управляли. Эти люди являли собой передовой отряд Человечества, проходили целый ряд строгих отборов, основанных на жестких физических и психологических критериях, и вполне могли отвечать тем условиям выживания, которые предлагал первопроходцам Дальний Космос.

Они открыли нечто новое, неизведанное, проторили ту тропинку к звездам, которая впоследствии стала широкой торной дорогой, доступной для всех желающих.

Первые межзвездные перелеты, их успехи, а в большей степени, — их неудачи, поставили целый ряд животрепещущих проблем перед конструкторами и учеными. Фирмы, производители космической техники, оказались в условиях, когда первейшим из критериев для их продукции стала надежность, обоснованная необходимостью длительного выживания человека там, где царствовали вакуум и вечный холод. Звездные расстояния были огромны, препятствия на пути к иным мирам — непредсказуемы, но ситуация не предполагала выбора: перенаселение Солнечной системы уже стало свершившимся фактом, и в этих условиях колонизация звезд любым доступным способом выросла до проблемы выживания людей, как

биологического вида.

Нужно отдать должное конструкторам и ученым двадцать третьего века. В это переломное для всего Человечества столетие было совершено немало открытий. Одновременно с космоплаванием расцвела крионика[3], дальнейшее развитие получила оптическая кибернетика[4], вышли наконец из-под строгого запрета технологии клонирования. Требования сверхнадежности к системам жизнеобеспечения, равно как и к компьютерным элементам космических кораблей, становились все жестче, — никто не хотел вверять свою жизнь сомнительным агрегатам, и техника постоянно совершенствовалась, чего нельзя было сказать о массе потенциальных переселенцев, которые составляли большинство обитателей Земных городов-муравейников.

Тот факт, что открытия совершаются единичными представителями той или иной научной области познания, не требует дополнительных комментариев. Все мы зачастую пользуемся техническими достижениями, слабо представляя или не представляя вовсе принцип их функционирования, конструктивные особенности и так далее. Это не свидетельствует о нашей ограниченности, ведь, как сказал один из древних философов: «Нельзя объять необъятное» — мир нашего технического окружения так разнообразен и так стремительно развивается, что ни одна мысль не в состоянии уследить за поступью прогресса.

Это хорошо, пока мы тут, на Земле. Но ситуация резко меняется при выходе за пределы нашей родной Солнечной системы.

Космическая техника все более и более совершенствовалась, требования сверхнадежности к автоматике продолжали ужесточаться, но совершенствовались ли мы сами одновременно с нашим техническим окружением?

Ответ на этот вопрос далеко не очевиден и однозначен. Оказавшись оторванными от основного ядра цивилизации, предоставленные сами себе, многие колонии деградировали, утратив принесенные с собой знания, погубив в борьбе за выживание имевшуюся в наличии технику и не сумев создать новой, но ведь есть примеры таких миров, чье население успешно развилось и вторично вышло в космос, спустя столетия после посадки колониальных транспортов.

И все же остается неоспоримым тот факт, что, по выражению одного из новейших философов, «наша совершенная техника уносила к звездам анклавы разобщенных, эгоистичных и далеко не одухотворенных идеями гуманизма людей».

Нравится кому-то такое утверждение или нет, но придется признать, что к исходу двадцать третьего века колониальные транспорты действительно уносили к звездам далеко не лучшую часть человечества. И возникшая почти четыре века спустя вторая волна Экспансии, которая разбилась о кольцо уже существующих колоний и привела к Первой галактической войне, столкнула между собой обыкновенных людей, обуреваемых привычными нам страстями, порывами и амбициями. Эти люди управляли необычайно сложной, совершенной техникой, мощь которой исчислялась мегаваттами энергии, а потенциальные возможности по влиянию на окружающую среду в некотором смысле превосходили все самые смелые представления наших наивных предков о могуществе бога.

Люди вырвались на Галактический простор и осваивали его в полном соответствии с законами эволюционного развития, и эта, скажем прямо, — непривычная, экстремальная среда обитания, помноженная на ту самую сверхнадежность большинства машин, привела к возникновению многих исторических свидетельств того, как жизнь благополучно существовала и проявляла себя в самых немыслимых условиях. Лишь некоторые из данных свидетельств можно рассматривать как курьез, в основе большинства из них лежат трагедии, жуткие, чаще всего противоестественные вывихи выживания с похожими началами, но разными и по большинству трагичными финалами.

Бездушные автоматы, подчиненные логике вложенных в них программ, хранили слабые искры человеческих жизней, и те восставали из праха и забвения, рано или поздно… восставали, чтобы снова жить, любить, ненавидеть, радоваться и плакать, голодать и быть сытыми, чтобы в тысячный раз вступить в борьбу противоположностей, доказывая себе и всей необъятной, окружающей нас Вселенной, что мы — венец эволюционного творения природы… и в то же время ее бич божий.

Мы научились рождаться и выживать там, где в принципе невозможно жить. Мы стали выше, чем мифические боги, но в то же время умудрились оставаться людьми, как в лучшем, так и в худшем понимании этого слова.

* * *

В мрачных глубинах темного, развороченного многими попаданиями крейсера тлела та самая искра жизни, хранимая бездушной автоматикой, о которой упоминалось выше.

Машинам не нужны были свет, тепло или воздух. Они прекрасно обходились без них, храня в своем чреве хрупкие человеческие оболочки.

Пять десантных кораблей класса «Нибелунг» застыли в мертвой

механической утробе давно погибшего крейсера.

На их борту в объятиях ледяного сна покоились люди. Пятьдесят человек, чьи тела, скованные холодом низкотемпературного сна, постепенно умирали от истощения.

Крионический сон не предполагает полную остановку жизнедеятельности, — в их организмах по-прежнему протекали чрезвычайно замедленные процессы метаболизма. Объяснить присутствие на борту исполинского мертвого крейсера пяти установленных в стартовых доках боевых отделяемых модулей было легко: крейсер в свое время готовился Земным Командованием для отправки в дальний поиск, рассчитанный на обнаружение новых затерянных колоний и их насильственное присоединение к Земному Альянсу, поэтому на борту было выгоднее держать готовые к старту боевые модули, экипаж которых спал, существенно экономя при этом ресурс жизнеобеспечения базового корабля.

Эти люди должны были проснуться, когда возникнет необходимость, когда крейсер разыщет какую-либо планету и потребуется высадка на ее поверхность десантных оккупационных групп.

Спящие люди не знали, да и не могли знать о том, что война между Землей и Колониями окончилась более века назад. Всю бездну прошедшего времени они спали, хранимые автоматикой жизнеобеспечения, которая имела свой автономный ресурс и нимало не заботилась о том, что происходит вовне разбитого, давно покинутого основным экипажем корабля.

До поры. До того рокового момента, когда начал истощаться скудный ресурс автономных систем.

* * *

Наступил определенный момент, и напряжение в бортовой сети базового корабля, разбитого и брошенного много лет назад на произвол судьбы, упало ниже критического уровня.

Разбитого, но не погибшего…

Десятки автоматических систем разного толка и назначения продолжали функционировать на борту крейсера, кружащегося в поле обломков вокруг изуродованной «Звездной Крепости». Автоматика не воспринимала таких понятий, как «ненужность» или «бессмысленность действий». Пока в бортовых накопителях оставалось достаточно эргов для самоподдержания функций, упомянутые системы жили, бесстрастно отправляя свои обязанности. Теперь, когда напряжение стало падать, они так же бесстрастно принялись исполнять последний, предусмотренный

программами набор действий.

В темноте боевой десантной палубы вспыхнул приглушенный красный свет. Аварийное освещение было скудным и являлось скорее данью тем существам, сон которых более походил на смерть, чем разумной необходимостью.

В гробовой тишине вакуума ожили некоторые системы давно покинутого экипажем крейсера. Как ни скуден был энергоресурс бортовой автоматики, но его хватило на то, чтобы массивные створы внешних люков, запиравших пусковые шахты десантных кораблей, вдруг вздрогнули и начали медленно открываться.

Со стороны это могло показаться зловещим чудом: совершенно мертвая масса металла и пластика вдруг ожила, по какому-то мановению неведомой силы, но усомниться в реальности происходящих в тишине и мраке процессов не смог бы никто. То, что казалось смертью, было лишь сном, а движение многотонных плит вовсе не являлось агонией автоматических систем. Они не ведали понятия «жизнь», им не была страшна смерть, и потому они, пробудившись, безропотно отдавали свои последние эрги на совершение нужных манипуляций.

Если смотреть на крейсер со стороны, то могло показаться, что в его корпусе медленно раскрылись пять кровоточащих ран. Бликующий, мятущийся по стенам стартовых шлюзов красный свет вращающихся ламп высвечивал из тьмы зловещие контуры отделяемых десантных модулей.

Изувеченный базовый корабль, который хранил их в своем механическом чреве не один десяток лет, расписывался таким образом в своей окончательной смерти. Его бортовые накопители оскудели, энергия в них иссякала, и теперь пяти кораблям предстояло самим продолжить начатый бездну времени назад путь.

Прошло несколько минут, и в пространстве первого шлюза возникло движение. Это беззвучно отошли от корпуса десантного корабля стационарные фермы обслуживания. Их решетчатые конструкции откинулись к стенам, шланги, вырванные из гнезд этим движением, медленно свивались в невесомости замысловатыми синусоидами, словно то были тела глянцевито-черных змей, решивших исполнить прощальный танец…

Первый десантный корабль без вспышек и иных, видимых глазу эффектов приподнялся над своим ложементом; несколько секунд он висел неподвижно, пока его телескопические опоры медленно втягивались в днище, а затем, получив незримый импульс ускорения, он стал величаво выплывать из проема стартового шлюза.

Бледной аурой вспыхнуло окружавшее его энергетическое поле защиты. Обломки, которые многие годы неподвижно висели подле мертвого корабля, расталкивало по сторонам, иногда, если на пути проснувшегося исполина вставал достаточно крупный кусок обшивки или сожженный лазерным огнем, потерявший свои очертания космический истребитель, защитное поле вспыхивало более ярко и соприкоснувшаяся с ним часть обломка начинала раскаляться, плавиться, испуская разогретые частицы своего вещества. Этот процесс порождал реактивную тягу, которая отбрасывала препятствие прочь.

Волна беззвучных вспышек и столкновений, словно конвульсивная судорога, прошла по полю окружающих корабль осколков давней битвы, а породивший ее десантный модуль уже полностью вышел из раскрытой пасти вакуум-створа и начал медленно разворачиваться, окутавшись короткими вспышками выхлопов из дюз ориентации.

В рубке корабля в этот момент не было ни единого человека. Все они спали, по-прежнему погруженные в ледяной крионический сон. Бортовому компьютеру, который в данный момент управлял отделяемым модулем, не требовалось вмешательство людей. Его долгосрочная память хранила в себе инструкции относительно множества нештатных ситуаций и сейчас, сообразуясь с конкретной обстановкой, была активирована одна из таких руководящих программ.

Отметив гибель базового корабля поддержки, отсканировав поле обломков и окрестный космос, бортовая кибернетическая система пришла к очевидному выводу: никто не уцелел во время боя, никаких сигналов на командной частоте не присутствовало. Машину совершенно не волновал исход битвы. Единственно, что ей было предписано сделать в такой ситуации, — это хранить драгоценные жизни личного состава модуля и доставить их к ближайшему пункту сбора, заранее назначаемому в таких случаях.

Сканирование звездного окружения не дало искомого результата. Рисунок созвездий не находил аналогов в базе данных навигационной системы. Никаких радио- или световых маяков не прослеживалось.

Человек в такой ситуации испытал бы вполне понятную растерянность, но машина спокойно перешла к следующему пункту своей программы. Если невозможно достичь точки сбора, то следовало определить любой близлежащий объект и направить десантный корабль к нему, одновременно инициировав пробуждение командного состава модуля.

Сканеры десантного корабля еще раз обшарили бездонный провал

окружающего скопление обломков космоса. Все звезды казались отсюда неимоверно далекими, и бортовой компьютер один за другим начал менять режимы поиска, пока наконец в инфракрасном диапазоне волн им не было обнаружено ярчайшее пятно аномалии.

Что-то незримое, недоступное обычным оптическим сканерам, очень ярко излучало в диапазоне тепловых волн, словно неподалеку в космосе расположилась некая исполинская конструкция, материал которой был намного теплее, чем окружавший ее ледяной мрак.

В отсутствие выбора для бортовой кибернетической системы это аномальное пятно могло послужить единственным ориентиром. Разбираться, что это такое на самом деле, было прерогативой тех людей, чей процесс пробуждения уже начинался в эти самые секунды.

Подчиняясь приказу бортового компьютера, огромный десантный корабль совершил еще один маневр ориентации и, огибая поле обломков, в центре которого находилась обезображенная сфера «Звездной Крепости», взял курс на незримое для глаза аномальное пятно теплового излучения, расположенное в нескольких световых днях от места старта.

Вслед за первым из красноватого провала десантного шлюза выплыл второй корабль, за ним третий, четвертый…

Бортовые компьютеры отделяемых модулей не поддерживали связь между собой, но все они обладали одними и теми же программами, были подвержены одинаковой логике, и потому все пять десантных кораблей взяли один и тот же курс, двигаясь друг за другом.

Спящие на их борту люди в этот момент не подозревали, что воля кибернетических систем влечет их по направлению к совершенно фантастическому, невозможному, с точки зрения земных конструкторов, миру…

Глава 2

2706 год Галактического Календаря. Одна из точек гиперсферного всплытия системы Кьюиг…

Ослепительная вспышка гиперпространственного перехода на миг осветила парящие в космосе обломки обшивки, какие-то уродливые детали разрезанных лазерным лучом механизмов, между которыми неподвижно висели огромные, глянцевитые контейнеры кубической формы. Им, похоже, ничуть не повредила произошедшая тут совсем недавно катастрофа.

Человеческое тело в скафандре, беспомощно болтавшееся среди обломков, трудно было заметить из-за окружавшего его различного хлама, в который превратил личные вещи покойного взрыв декомпрессии. Теперь несколько рубашек, пара нижнего белья, скорчившиеся под влиянием космического холода фотографии и некоторое количество галактической валюты, в мерцающих банкнотах недавно образованного Банка Конфедерации, окружали тело несчастного плотным облаком мусора, в котором он пребывал безо всякого намека на движение и жизнь. Растопырив руки и ноги, тело неподвижно висело среди обломков корабля.

Ярчайшая вспышка, осветившая эту безрадостную картину, вытолкнула в трехмерный континуум огромный космический корабль. Он материализовался в нормальном, привычном для человеческого восприятия космосе буквально за несколько секунд, затмив небольшое скопление обломков своей исполинской тенью.

Пришелец был похож на огромного морского ската, раскинувшего свои «крылья» на несколько сот метров.

Выйдя из пространства гиперсферы, он тут же включил навигационные и габаритные огни; его корпус подсветился, отражая сияние сотен крохотных искр, которые на самом деле являлись мощными, сориентированными перпендикулярно обшивке прожекторами.

В рубке управления кораблем в эту минуту находились трое существ.

Двое из них являлись людьми, причем юного, совершенно не свойственного для космоплавателей возраста. Молодому человеку едва ли стукнуло двадцать пять, а его спутница сияла той неповторимой красотой юности, когда природа уже закончила трудиться над изваянием ее тела, но горести и невзгоды еще не успели придать беспечной красоте некоторый

шарм горечи, опытности…

Третьим существом, присутствующим в рубке управления, был Андор, дройд, а точнее — андроид[5] несерийной модели, одетый в темно-синий комбинезон с глухим, стоячим воротничком и очень узкими манжетами, какие обычно носят бортовые техники во время проведения ремонтных работ, однако одежда робота казалась безукоризненно чистой, тщательно отглаженной, без каких-либо следов масляных пятен и прочих, неизменно сопутствующих любому ремонту отметин.

Он-то и нарушил воцарившуюся после гиперпространственного перехода тишину. Голос робота, отлично отмодулированный, был приятен и тих. Если не смотреть на его лицо с застывшими металлопластиковыми чертами, то невозможно было угадать, что это говорит не человек, а лишь очень похожая на него машина.

— Семен, мне кажется там среди обломков есть тело, — произнес он, совершая манипуляции с переключателями на приборной панели навигационных систем. — Вот, посмотри, я увеличил квадрат.

— Действительно, человек! — подтвердила его догадку Яна, взглянув на осветившийся монитор.

Семен и сам видел это. Тело неподвижно висело среди мусора и обломков, нелепо растопырив конечности. Ни проблесковых маяков, ни каких-либо иных средств аварийной сигнализации на скафандре не просматривалось, само тело выглядело мертвым, окоченевшим, но Семен был слишком опытен в этих делах, чтобы судить однозначно, руководствуясь лишь косвенными внешними данными.

— Андор, выпусти спасательный бот, — спокойно распорядился он. Откинувшись в кресле, Семен проводил долгим пристальным взглядом контейнеры и обломки, медленно проплывающие в зоне действия видеодатчиков их корабля, затем коснулся нескольких текстоглифов[6], чьи значки были нанесены на каждую псевдокнопку расположенной перед ним сенсорной клавиатуры, и спустя некоторое время пояснил:

— Это был транспортный корабль. Класс «Элизабет-сигма», вероятнее всего. Кто-то изрубил его лазерными залпами и улетел.

— Пираты? — предположила Яна, наблюдая, как небольшой механизм плавно отчалил от обшивки их корабля и, пробираясь между обломками, двинулся по направлению к телу несчастного.

Семен пожал плечами в ответ на ее вопрос.

— Надо бы посмотреть, что в контейнерах, — через некоторое время произнес он. — Насколько я знаю, пираты нападают с целью грабежа и

захвата судов. К тому же, — при этих словах взгляд Семена указал на бесформенную груду обломков, среди которых пробирался робот, — этот корабль, как и мы, воспользовался нестандартной точкой гиперперехода.

— Нелады с законом? — Яна откинулась в кресле, и пряди ее золотистых волос рассыпались по мягкому валику подголовника.

— Возможно, — согласился Семен, начиная процесс сканирования. — Сейчас посмотрим на содержимое контейнеров.

Пока они переговаривались между собой, Андор, дистанционно управлявший спасательным механизмом, подвел последний к человеческому телу. Из автомата, который внешне походил на полуметрового механического паука, выхлестнулось несколько гибких шунтов, с разъемами на концах, которые идеально подошли к ответным гнездам скафандра.

— Он жив… — спустя несколько секунд сообщил андроид. — Внутренние системы жизнеобеспечения в норме, но сам человек без сознания. Внешняя коммуникация скафандра отключена.

— Он сам отключил ее? — удивилась Яна.

— В этом нет ничего странного, если за ним охотились, — спокойно пояснил Семен. — Тащи его на борт, — обратился он к андроиду, который продолжал бесстрастно манипулировать дистанционным управлением.

В этот момент сдавленно пискнул сигнал на пульте, возвещая об окончании процесса сканирования избранного контейнера. Семен обернулся к монитору, куда были выведены данные анализа, и усмехнулся.

— Вот и разгадка, — произнес он. — Эреснийская травка, слабонаркотическое вещество, ксенобиологический аналог листового табака, произрастающего на Земле. Запрещена ко ввозу на некоторые миры, в том числе и на Кьюиг, в чьем околопланетном пространстве мы находимся. Думаю, что этот парень — контрабандист.

Яна нахмурилась, отчего на ее лбу собралась едва заметная вертикальная морщинка.

— Значит, он торговец наркотиками?

Андор на миг отвлекся от управления, повернув голову к своей питомице:

— Ты насмотрелась дурных фильмов. Эреснийский табак не может считаться наркотиком в криминальном смысле данного термина, — произнес он. — Другое дело, что его влияние на человеческий организм еще не до конца исследовано, и поэтому его употребляют в основном в «третьих», то есть слаборазвитых мирах… — Он был вынужден прервать фразу и отвлечься, потому что ощутимый толчок возвестил о срабатывании

автоматики шлюза.

Семен встал из-за пульта управления, предварительно одним касанием сенсора передав полномочия бортовой кибернетической системе.

— Пойдем, встретим нашего счастливчика, — обратился он к Яне, протягивая ей руку.

* * *

Предшлюзовая площадка, на которую выводило сразу несколько пешеходных коридоров и один широкий, скудно освещенный транспортный тоннель, свидетельствовала об истинном предназначении космического корабля гораздо ярче и красноречивее, чем рубка управления или его внешний контур. Действительно, что можно понять по бесконечным, похожим одна на другую приборным панелям или по глянцу брони, под которой прячутся втянутые вовнутрь и совершенно недоступные глазу агрегаты? Практически — ничего. А вот механизмы предшлюзовой площадки могли рассказать опытному глазу очень многое.

Во-первых, эта площадка не была единственной на корабле, о чем свидетельствовал ее порядковый номер «три». Во-вторых, указатели, которые были нанесены флюоресцирующей краской на стены предстартового накопителя, гласили:

«Десантно-штурмовые подразделения. Погрузочный створ». — Указующая стрела изгибалась направо.

«Робототехника. Конвейер автоматической швартовки». — Указатель вел прямо.

«Сектор старта космических истребителей, катапульты номер четыре, пять, шесть». — В этом случае стрела указателя направлений вела налево.

По этим признакам было нетрудно догадаться о прошлом огромного корабля, который носил имя «Генезис».

Сейчас предстартовые накопители, о чьем предназначении так грозно утверждали указатели направлений, были пусты так же, как большинство ангаров. От крейсера флота Свободных Колоний осталась лишь оболочка, наполненная зловещими отзвуками былого смысла, и теперь он являлся сугубо гражданским кораблем. Все вооружение и робототехника были удалены с него на базе Форта Стеллар.

— Подождем здесь, — произнес Семен, останавливаясь у плотно сомкнутых створов вспомогательного шлюза.

Через минуту сигнал индикации на панели вспыхнул зеленым, что означало — в шлюз уже закачивается воздух.

Тело несчастного, а также те немногие личные вещи, которые плавали

вокруг него в космосе, были доставлены на борт «Генезиса». Автоматический спасательный бот, выполнивший свою миссию, тут же пополз в ангар для парковки, а Семен и Яна склонились над телом.

Пальцы юноши ловким движением пробежали по сенсорным кнопкам дезактивации скафандра, и искусственная оболочка, состоящая из нескольких слоев гермопластика, между которыми были встроены псевдомускулы, раскрылась с ноющим звуком сработавших сервоприводов; раздалось характерное чавканье внутренних уплотнителей, и они увидели полного, лысеющего мужчину, который, запрокинув голову и судорожно раскрыв рот, лежал внутри раскрывшихся сегментов. Дышал он тяжело, прерывисто, с надсаженным хрипом, черты его лица, искаженные гримасой страха, были сведены судорогой.

Пока Яна делала инъекцию противошокового препарата, а Семен известным ему способом пытался восстановить циркуляцию крови в холодеющих конечностях незнакомца, сопровождавший их андроид рассмотрел личные вещи, которые собрал спасательный кибермеханизм, затем, не удовлетворившись этим, протянул руку и достал из внутреннего кармана спасенного толстый бумажник.

— Андор… — попыталась укорить его Яна, но человекоподобный робот флегматично продолжил свое занятие, ограничившись одной лишь репликой:

— Милая, мы должны знать, что это за человек.

Тощая пачка галактических банкнот не заинтересовала андроида, а вот унифицированное удостоверение личности, нового, недавно введенного на планетах Конфедеративного Содружества образца, он тут же вставил в щель считывающего устройства сканера, расположенного в механизмах его правой руки, чуть выше запястья.

— Мистер Морриган Блекхоуз, частный предприниматель, гражданство Дансии, — спустя пару секунд сообщил он.

Черты лица спасенного тем временем разгладились — это начала работать противошоковая инъекция.

— Давай, Андор, хватит копаться в бумажнике, понесли мистера Блекхоуза в медицинский отсек, — разгибаясь, произнес Семен.

* * *

Странная это была троица.

Морриган, все еще очень бледный после перенесенных потрясений, сидел в глубоком кресле и маленькими глотками пил предложенный Яной горячий бульон, исподволь наблюдая за своими спасителями.

Чем быстрее он приходил в себя, тем неспокойнее становилось у него на душе. Все казалось ему странным. Взять, например, этот корабль. Он такой большой, что на борту должно быть как минимум человек пятьдесят экипажа, но за последний час, вырвавшись наконец из-под навязчивой опеки автоматического медицинского аппарата, Морриган не заметил в пустых коридорах и отсеках не единого живого существа, кроме этих двух молодых людей и неизменно сопровождающего их дройда.

Ладно, положим, они втроем управляют крейсером, но зачем им такой громадный корабль, а главное, каким образом он очутился в их личном распоряжении? Все это казалось Морригану более чем странным, а если присовокупить сюда дройда, который по непонятным причинам вел себя абсолютно как человек, то ситуация в какие-то моменты начинала казаться ему чуть ли не безнадежной.

«Из огня да в полымя…» — подумал он, допивая остатки бульона и ставя на стол опустевшую чашку.

— Спасибо, мисс… — Он вопросительно поднял глаза на девушку.

— Яна, — ответила она. — Просто — Яна, мистер Блекхоуз.

Морриган слегка побледнел.

Ну конечно… Они наверняка обшарили бумажник, пока я был в отключке…

— У вас проблемы с законом? — заметив его замешательство, спокойно осведомился андроид.

Морригану ситуация перестала нравиться в принципе. Таково уж свойство человеческой натуры — стоит избежать смертельной опасности, и ужас смерти, еще час назад так резко искажавший его черты, исчез, отпустил, а его место заняли проблемы бренного мира…

— Сэр, — он повернулся к Семену. — Почему я должен отвечать на вопросы обслуживающей машины?

Семен пожал плечами, глядя ему в глаза, но все-таки ответил:

— Андор такой же полноправный член экипажа и совладелец «Генезиса», как мы с Яной. — Юноша был немногословен и предельно точен в формулировках. — Этого достаточно, чтобы он мог задавать вопросы на борту собственного корабля?

Морриган кивнул, сглотнув.

«Вот так новости, Фрайг их всех раздери… — подумалось ему. — Какая-то сумасшедшая компания, если принимают металлического истукана за равного себе».

— Вы верно подумали о нас плохо, мистер Блекхоуз? — спросила Яна, отпивая смешанный Андором коктейль и кротко посмотрев на

невольного гостя поверх дымчатого небьющегося стекла бокала.

— Ну почему же… — смешался Морриган.

В глазах Яны, таких теплых и кротких, внезапно появился холодок, будто ее зрачки превратились в этот момент в две льдинки.

— А вот я подумала о вас плохо, — произнесла она, вставая из-за стола. — Вот из-за этой безделушки. — Яна протянула руку, положила на стол перед Блекхоузом что-то маленькое, издавшее металлический щелчок, и, обернувшись к Семену, добавила: — Я буду у себя в каюте. Позови меня, когда избавишься от этого подонка.

Она вышла.

Семен и Андор хранили молчание, причем у обоих оно казалось одинаково ледяным.

Морриган сидел неподвижно, уставившись на связку из трех посмертных медальонов, которые он прихватил из своей недавней вылазки, так, без всякой цели, — просто по дурацкой, неистребимой склонности к разного рода сувенирам.

* * *

— Итак, мистер Морриган, — не изменяя своему спокойному тону, произнес Андор, когда тишина в салоне стала невыносимой, — вы можете вразумительно пояснить нам происхождение этих медальонов? Каким образом они оказались в вашем бумажнике?

Блекхоуз открыл было рот, с трудом оторвав взгляд от проклятых металлических кругляшков, но Семен прервал его жестом.

— Только не стоит тратить время на ложь, — так же спокойно, как и дройд произнес он. — Чтобы избавить вас от необходимости фантазировать, я выскажусь относительно Яны…

Морриган начал немного успокаиваться. Что за дурацкие шутки, на самом деле!..

— Так вот, на мой взгляд, Яна повела себя слишком мягко и сдержанно, — оборвала его мысль фраза Семена. — Она вообще слишком мягка к людям.

Блекхоуз вскинул голову.

Что он себе позволяет, этот юнец?! Он что, ищет непри…

Мысль опять оказалась оборванной на полуслове, — Морриган поймал взгляд юноши и внезапно осекся, подавившись своей не высказанной вслух фразой.

Такие глаза он видел у стариков…

А еще, один раз, — у наемного убийцы, который был послан по его

душу и, надо сказать, оказался профи самой высокой пробы… Просто Морригану тогда повезло, и он сумел выкрутиться…

Каким образом двадцатипятилетний парень мог сочетать в своем взгляде эту мудрость пожилого человека с ледяным, циничным презрением к жизни и холодным безразличием киллера, было непонятно, но взгляд пробирал до самых костей, заставляя кровь сначала застыть в жилах, а затем ударить в виски глухой, горячей волной зачастившего пульса.

— Так что транспортировалось на борту вашего корабля?

Морриган уже не находил сил ни на наглый ответ, ни на обыкновенную, привычную ложь.

— Оружие… — сипло выдавил он.

— Откуда? — продолжая сверлить его взглядом, спросил Семен.

— С кладбища… — Морриган с трудом сглотнул собравшуюся вязким комом слюну. — С кладбища кораблей… — добавил он, и тут же, словно опомнившись от гипнотического наваждения этого взгляда, тихо спросил:

— Какого черта? Семен пожал плечами.

— Я просто спросил, а вы ответили. Нормальная ситуация. — Он протянул руку, включил терминал бортовой компьютерной сети и, дождавшись пока в глубинах экрана проявится колючая звездная бездна, проронил:

— Может быть, вы окажете нам любезность, отметив на карте местоположение этого кладбища?

Блекхоуз решил — будь что будет, но он не позволит этому юнцу задавать вопросы в таком ключе, своим ледяным, презрительным тоном.

— Я ничего не стану говорить! — вспылил он. — Я свободный гражданин Конфедеративного Содружества, и я…

— Андор, вышвырни его, пожалуйста, в шлюз, — безразлично пожав плечами, произнес Семен. — Как положено, в его же скафандре. Пусть продолжает свой полет.

Андроид встал.

У Морригана внезапно засосало под ложечкой. Он уже не сомневался, что попал на борт к сумасшедшим, а этот металлический истукан сейчас действительно выполнит то, о чем его только что попросили…

— Вы не имеете права! — выкрикнул он.

Семен, который секунду назад безразличным, пустым, как казалось, взглядом смотрел в чернильную бездну Галактики, резко повернул голову.

— Имеем, — неестественно ровным тоном произнес он. — Вы не можете протестовать, потому что потеряли право на снисхождение. Я

устал… — внезапно признался он. — Устал созерцать одно и то же…

Морригану показалось, что парень бредит, но следующие фразы Семена развеяли это глупое предубеждение:

— Вы беззастенчиво грабите кладбища кораблей, отшвыривая в сторону тела погибших за вас людей. Они мертвы, и им все равно? — Семен, сощурясь, смотрел в выцветшие глаза Морригана. — Нет, господин Блекхоуз. Им не все равно.

— Почем тебе знать, сосунок? — начиная зеленеть от ярости и страха, выкрикнул Морриган, одновременно пытаясь оттолкнуть от себя андроида.

— Оставь его, Андор, — внезапно произнес Семен, заметив, что между андроидом и человеком завязалась молчаливая борьба.

Андор выполнил приказ-просьбу, и в результате Блекхоуз отлетел к стене.

Семен проследил за его падением и произнес:

— Вы ошибаетесь, мистер Блекхоуз, обзывая меня сосунком. Я не молод, пусть внешний вид не обманывает вас, — на самом деле мне больше ста лет от роду… — Он горько усмехнулся, глядя на отвисшую челюсть контрабандиста. — Не надо выпучивать глаза, я не лгу. Такова ирония крионического сна, — он хранит тело, но старит душу… А что до остального… — Семен сел в кресло, сцепив пальцы рук в замок, так что побелели костяшки… — Мы с Яной родились и выросли на кладбище космических кораблей, оставшихся после одной из битв, среди тех самых плавающих в вакууме трупов, которые вы грабите и пинаете от стенки к стенке, выбрасывая из развороченных отсеков. — Он поднял голову, посмотрев на Морригана тяжелым, немигающим взглядом. — А вам известно, что детей не находят в капусте и им обязательно нужны родители, для того чтобы появиться на свет? — Семен медленно выталкивал слова, бледнея все больше и больше. — Наши родители там, — он сделал жест в сторону расплескавшейся на мониторе звездной бездны. — Они ждали помощи, отчаянно пытаясь выжить в обломках кораблей, но, не дождавшись, погибли… Там остались только их души, которые, наверное, продолжали ждать, что их вспомнят, прилетят, похоронят, но опять ошиблись, дождавшись лишь грабителей…

Морриган стушевался. В первый момент он просто не нашелся, что ответить, ведь Блекхоуз знал, что такое кладбища кораблей. Чертово место, где нет никаких условий для жизни. Целые поля толкущихся в космосе обломков таили в своем чреве дремлющую кибернетическую жизнь и сотни, а порой и тысячи, мертвых тел. После нескольких часов пребывания в мерзлом аду, среди молчаливой, навек законсервированной вакуумом

смерти, приходилось пригоршнями жрать успокоительное, чтобы уснуть и не мучиться при этом навязчивыми кошмарами…

Он искоса посмотрел на Семена. Морриган даже не пытался представить, какой должна сформироваться психика человека, выросшего там, но аргументов в пользу того, что этот парень лжет, пытаясь его запугать, у него не нашлось. Стоило раз посмотреть в его глаза, как становилось ясно — он говорит сущую правду, как бы дико та ни звучала…

— Я устал, мистер Блекхоуз, — нарушив молчание, произнес Семен. — Прошло уже пять лет, как мы исследуем кладбища кораблей, пытаясь отыскать

среди обломков таких же несчастных, какими были мы сами, а находим лишь трупы, болтающиеся среди обломков, да еще — следы грабежа на них. Скажите вы, человек причастный ко всему этому, есть в людях хоть капля святого?

Морриган не ответил. Ему опять нечего было сказать, по той причине, что он попросту не задумывался над данным вопросом. О существовании кладбищ знали все, но немногие решались слетать туда. Он мог бы объяснить этому парню, что на утилизацию всех последствий войны требуются миллиардные вложения, а в современном мире каждый выживает как может и в свободном обществе процветают все виды бизнеса, но промолчал.

— Что вы сделаете со мной? — наконец выдавил он.

— Ничего, — с безразличием в голосе ответил ему Семен. — Мы не судьи. — Он повернулся и взглянул в бледное лицо Морригана. — Укажите нам известные точки в пространстве, где вам приходилось обнаруживать обломки прошлых битв, и уходите. Андор выделит вам посадочную капсулу, которая доставит вас на Кьюиг. Живите дальше, разбирайтесь со своими компаньонами, — рано или поздно жизнь нас рассудит, но не дай бог нашим путям пересечься на каком-то из кладбищ кораблей, — мрачно предупредил он. — Тогда пощады не ждите.

Глава 3

То же время. Два миллиарда километров от места дрейфа «Звездной Крепости»…

Трепетные искры габаритных и опознавательных огней пяти штурмовых транспортов класса «Нибелунг» дрожали во мраке, оставаясь единственным источником света на многие миллионы километров вокруг.

Десантные корабли приближались к конечной навигационной точке избранного маршрута, на борту уже шел процесс пробуждения экипажей, но до его окончания еще было далеко — не все заладилось у автоматических систем поддержания жизни, и пульты управления, сопряженные с крионическими капсулами, цвели тревожными гаммами предупреждающих сигналов.

Пятно тепловой аномалии, по которому ориентировались кибернетические системы автопилотов, уже разрослось до неимоверных размеров, заняв собой весь объем контрольных мониторов слежения, расположенных перед пустующими креслами.

Ситуация опять требовала принятия решений, но люди продолжали мучительный, затянувшийся выход из состояния низкотемпературного сна и не могли принять на себя бремя ответственности за очередной маневр.

В дело вновь вступили кибернетические системы управления.

Пять «Нибелунгов» один за другим осветились вспышками корректирующих выхлопов, и в их недолгом, но ярком свете прямо по курсу десантных кораблей вдруг ясно проявилось нечто огромное — это была вертикальная стена, без видимых краев.

Бесстрастные приборы тут же зафиксировали механическое препятствие, которое точно совпадало с температурной аномалией.

Автоматически включились посадочные прожекторы, разогнав мрак острыми, узкосфокусированными лучами света, которые принялись шарить по стене, пытаясь определить возможность облета неожиданного препятствия.

Края стены не обнаружилось ни справа, ни слева, лишь вертикальное сканирование показало невидимый невооруженным глазом радиус скругления, определив который кибернетические системы пяти кораблей пришли к одному и тому же выводу — стена представляет собой фрагмент эллипсоида вращения — исполинской конструкции, похожей на мяч для

игры в регби, с той чудовищной разницей, что диаметр экваториальной части этого «мяча» был сопоставим с параметрами орбиты Земли, по которой прародина человечества обращалась вокруг родного Солнца.

Автоматические системы зафиксировали этот факт и продолжили поиск, пытаясь определить, есть ли возможность ввести десантные модули внутрь вращающегося вокруг оси симметрии эллипсоида.

Кибернетическую начинку «Нибелунгов» совершенно не волновал тот факт, что подобная конструкция — Сфера, описанная в свое время американским физиком Дайсоном, по мнению более поздних исследователей, не могла быть реализована по некоторым принципиальным соображениям.[7]

Автоматы слежения зарегистрировали лишь кривизну расположенной перед ними плоскости и факт вращения вычисленной на основе этих данных конструкции.

Дальнейшая обработка данных показала, что благополучная посадка может быть осуществлена только внутри Сферы.

Люди все еще продолжали выходить из состояния низкотемпературного сна, и нужно сказать, на свое же благо: не будь этой задержки, вряд ли кто-нибудь из проснувшихся смог бы выдержать подавляющее разум зрелище сплошной темной стены, чья поверхность проносилась перед парящими в пространстве «Нибелунгами» со скоростью, превышающей две тысячи километров в секунду.

Только автоматика оказалась способной в такой ситуации к принятию здравых и взвешенных решений. Ее не волновал факт нечеловеческого происхождения конструкции — кибернетические системы «Нибелунгов» были озабочены лишь проблемой проникновения за эту стену, где существовала реальная возможность посадить транспорты внутри этой чудовищной оболочки, выстроенной, как справедливо предположили бортовые компьютеры, вокруг источника тепловой энергии — то есть вокруг звезды.

Экстраполяция данного факта привела к поиску, который спустя несколько часов увенчался неожиданным успехом: в материале оболочки была обнаружена огромная дыра, сквозь которую в черноту космоса пробивался неяркий тускло-красный свет.

Зрелище было настолько поразительным, что люди вряд ли сохранили бы хладнокровие, глядя, как в поле зрения видеокамер внезапно вплыла эта сочащаяся красноватым сиянием рваная рана, поперечник которой составлял несколько сот километров.

Автоматические системы «Нибелунгов» отреагировали на появление бреши самым практичным и непосредственным образом — все пять кораблей одновременно включили маршевые двигатели, озарившись ровным сиянием истекающих плазменных факелов.

У бортовых компьютеров наконец появилась конкретная цель.

Уравняв свою скорость со скоростью вращения Сферы Дайсона, они заставили корабли «зависнуть» над провалом, заняв таким образом точки геостационарной орбиты, а затем, осторожно отрабатывая струйными рулями ориентации, пять кораблей один за другим начали медленно погружаться в тускло-красное сияние, истекающее из бреши.

* * *

Все пространство вокруг безобразной многокилометровой пробоины было покрыто коростой голубоватого льда.

У стороннего наблюдателя могло бы создаться впечатление, что пять десантных кораблей появились во внутреннем пространстве Сферы, «всплыв» из-под земли — огромный, наполненный чернотой провал исторг их, выпустив под свет умирающего красного солнца.

Мир, разверзшийся над «Нибелунгами», поражал своей необычностью. Горошина тускло-красной звезды сияла в зените, твердь, которая более не проносилась мимо, казалась густо смазанной краской, составленной из двух, причудливо перемешанных между собой тонов: голубой лед мерцал, скрадывая рельеф, по нему тянулись многокилометровые красно-коричневые, змеящиеся блики, горизонт застилали плотные туманные испарения, но в районе бреши воздух отсутствовал напрочь, отчего горошина застывшей в зените звезды казалась нестерпимо яркой.

Топливо в двигательных установках штурмовых модулей фактически закончилось. Его хватило лишь на маневр сближения с краем чудовищной бреши и мягкую посадку в трех десятках километраж от ее изломанного периметра.

Двигатели «Нибелунгов» плавили лед, который испарялся, извергаясь многокилометровыми гейзерами, и тут же застывал под воздействием космического холода, проникающего через брешь, а затем разлетался по сторонам, неторопливо кружа огромными хлопьями голубоватого кислородного снега.

Впереди, из туманной дымки постепенно уплотняющейся атмосферы, вырастали едва различимые пики горных вершин, до которых по самым скромным подсчетам оставалось километров шестьсот, не меньше.

«Нибелунги» успешно соприкоснулись с твердой внутренней стороной оболочки Сферы и застыли.

Миссия их кибернетических систем была выполнена.

До окончательного пробуждения экипажей оставалось еще несколько часов.

Кислородный снег, образованный процессами таяния льда и быстрой кристаллизации газа, по-прежнему опускался, медленно кружа в стылой тишине вакуума. Часть снежинок таяла на теплой броне штурмовых модулей, часть оседала на обнаженной пламенем реактивных двигателей внутренней стороне оболочки Сферы, и лишь маленькая толика внезапного снегопада уносилась в дыру, чтобы навек кануть в пучинах пространства…

* * *

Сергей Патрушев очнулся от ледяного сна одним из первых.

Сумрак крионического отсека в первый момент после возвращения сознания показался ему ослепительным.

Невнятно выругавшись, он напрягся, но мускулы не хотели слушать приказов рассудка, в груди застрял ледяной холод, во рту разлился железистый привкус, а руки мелко и бессильно дрожали, когда он попытался уцепиться ими за борта своей криогенной камеры.

Блин… Что за ерунда, на самом-то деле?..

Ощущать себя беспомощным было не только неприятно, но и страшно. Память, вернувшаяся вместе с сознанием, поначалу нечеткая и обрывочная, теперь приобрела ясность, и он тут же вспомнил, как и почему оказался погружен в низкотемпературный сон на борту штурмового транспорта «Нибелунг».

Ну, сейчас будет крику…

Мысль Сергея имела под собой вполне конкретную почву. Командир механизированного взвода — лейтенант Элен Райт, по мнению Патрушева была еще та стервоза — орать на подчиненных она не только любила, но и умела, возводя свои окрики-распоряжения в ранг некоего искусства изощренных оскорблений.

«С мужиками ей не везло в прошлой жизни…» — так мрачно подытожил анамнез лейтенанта капрал Джон Фримен. Сергей полагал, что Джон недалек от истины. «В прошлой жизни» означало «до войны», на гражданке, и если разбираться беспристрастно, то не везло им всем, одним больше, другим меньше, — иначе не оказались бы тут, в гробах-холодильниках, замороженные во славу дядюшки Хаммера[8] и каких-то там колониальных интересов…

На самом деле интерес у всех был один — свалить куда-нибудь подальше от совершенно беспросветной жизни на перенаселенной и изгаженной Земле, где не просто яблоку негде было упасть… ситуация к началу войны там была гораздо хуже, чем рисовала официальная статистика.

Эти обрывочные мысли-воспоминания скользили по периферии сознания Сергея, пока он, постанывая от болезненных усилий, выбирался из криогенной камеры.

В отсеке горел тусклый аварийный свет. Все признаки нештатной ситуации были, как говорится, налицо: большинство терминалов цвело погребальным узором красных и желтых огней, система регенерации воздуха не работала, колпаки половины камер низкотемпературного сна так и не открылись, и под ними клубился молочный мрак, омывая навек уснувшие тела.

Лейтенант Райт стояла, согнувшись пополам, и ее била тяжкая конвульсивная судорога. Темная пасть утилизатора отходов разверзлась под ней, принимая судорожные стоны некорректно пробужденного человека.

«Подбили?» — метнулась в голове Сергея первая паническая мысль, но, упершись ладонью в переборку, он не ощутил никаких вибраций, да и гравитация не скакала как заблагорассудится — значит, «Нибелунг» не падал и не маневрировал.

Ангар базового корабля тоже исключался — солдатам бы не дали в таком случае замерзнуть в неисправных крионических ваннах.

«Значит, уже долбанулись куда-то…» — с обреченной злобой подумал Сергей, стараясь не смотреть на Элен Райт. Ему и так-то было хреново, а еще слушать чьи-то стоны и вовсе не хотелось.

Нет, от судьбы, как и от лейтенанта, видно не уйдешь…

— Рядовой… — прохрипела она, с трудом поворачивая трясущуюся голову.

Сергей остановился. Он хотел незамеченным проскользнуть мимо и мог сделать вид, что просто не слышит этого хрипа, но жалкий, трясущийся облик женщины внезапно пробудил в нем остатки сострадания, усилив и без того дурное впечатление от происходящего.

— Да, лейтенант? — он сделал даже больше, чем намеревался, не только остановившись, но и беря ее за локоть, чтобы поддержать.

Ноги Элен Райт явно отказывались служить ей.

Она пыталась произнести что-то еще, но только кривила губы в бессильных потугах на речь.

Сергей не стал выяснять, чего она хочет. Он и так знал, что следует

делать. Поборов собственную дурноту, он помог лейтенанту сесть, затем вспорол символический шов на рукаве ее униформы и достал вшитые туда иньекторы.

От укола в шею ее голова дернулась, потом вдруг начала бессильно запрокидываться набок.

Сергей несколько секунд прижимал к полу внезапно напрягшееся, забившееся в конвульсиях тело Элен, затем, когда судорога прошла, а напряжение ее мышц ослабло, он с трудом отвалился в сторону и сел рядом, прямо на пол, в проходе между камерами низкотемпературного сна.

Состояние было еще то — хоть ложись и помирай.

Он прикрыл глаза и перед смеженными веками тут же поплыли оранжево-черные круги.

Рядом зашевелилась лейтенант Райт. Доза стимулятора сделала свое черное дело — Элен снова была в строю, но за все неизбежно придется платить, и расплата настанет не позднее чем через два часа.

Сергею было так тошно, что в эту минуту он начисто забыл о накрепко вколоченной в его сознание субординации.

— Во что мы вляпались, лейтенант? — не открывая глаз, спросил он. — Почему все так хреново?

Она не ответила, и Сергей вдруг с удивлением ощутил, как ее дрожащая ладонь накрыла его руку.

— Открой глаза.

— Зачем?

— Я приказываю, рядовой!..

Ну вот… Стоило ей посочувствовать и помочь… Одно слово — стерва.

Сергей с трудом вынырнул из оранжево-черного, полубессознательного мрака. Перед глазами все двоилось, смутные очертания криогенных гробов казались смазанными и ненатуральными.

— Посмотри на табло бортового хронометра и доложи, что ты там видишь! — приказала Элен.

Сергей повиновался.

Крупные зеленые цифры поначалу просто плыли перед глазами, никак не желая принимать конкретные, узнаваемые очертания.

Наконец он смог прочесть время, дату и год.

— Седьмое января 2706 года, 15 часов 42 минуты… — выдавил он и осекся, когда смысл сказанного проник в его собственное сознание.

Матерь божья… Они уснули почти сто лет назад!..

В голове внезапно все встало на свои места — и погасшие

криогенные камеры с мертвыми телами внутри, и эта запредельная слабость, вкупе с дурнотой, и тревожные огни на терминалах, повествующие о плачевном состоянии бортовых энергетических систем.

— Мы в полной заднице… — подытожила его мысли лейтенант Райт, и одновременно с этими словами Сергей ощутил, как в шею ему вонзилась игла микроиньектора.

Блаженное тепло разлилось по телу, но это ощущение длилось не более секунды — дальше все потонуло в спонтанной и болезненной судороге мышц.

* * *

Через час стало абсолютно ясно — из всего личного состава взвода выжило только четыре человека.

Капрал Джон Фримен, рядовой Курт Майлер, он сам и лейтенант Райт, которая в этот момент общалась с бортовой кибернетической системой, удалившись в специально предназначенный для таких целей тактический отсек «Нибелунга».

Трое ее подчиненных сидели в десантном накопителе, мучаясь не ожиданием, а той откровенной слабостью и дурнотой, которые продолжали терзать их, несмотря на стимулирующие препараты.

Райт возникла на пороге накопителя спустя полчаса.

— Ну? — с трудом выдавил из себя Фримен, поднимая голову.

— Мы на твердой поверхности внутри какой-то непонятной мне конструкции, — без обычной грубости ответила лейтенант, даже не прикрикнув на подчиненных за то, что не встали при ее появлении. — Ресурс «Нибелунгов» исчерпан. В эфире — гробовое молчание.

— А что с крейсером?

— Базовый корабль, по данным бортовых систем, погиб девяносто четыре года назад. Все это время мы спали, пока у «Нибелунгов» оставался резерв энергии. — Элен присела рядом с Фрименом, нервно сцепив пальцы рук.

— Надо выходить наружу, — спустя некоторое время произнесла она.

Никто не пошевелился, а у нее не оказалось желания и сил, чтобы прикрикнуть, приказать, будто что-то важное сгорело в душе лейтенанта за прошедшие полчаса.

На помощь ей внезапно пришел Сергей. Он чувствовал себя не лучше других, но ощущение безысходности казалось ему более невыносимым, чем остальным.

Он с трудом встал, утвердившись на непослушных ногах.

— Я готов… — с хриплым придыхом выдавил он. Элен подняла на него взгляд потускневших, выцветших глаз и кивнула.

— Отлично… — Она повернула голову. — В нашем распоряжении есть шагающие машины взвода. Снаружи вакуум, но в трехстах километрах отсюда приборы обнаружили наличие разреженной, кислородосодержащей атмосферы. Мы должны добраться туда, где можно дышать без скафандров и систем регенерации. Иначе нам не выжить.

Сергей слушал ее, удивляясь не необычной мягкости лейтенанта, а тем приоритетам, что зазвучали в ее словах.

Засыпая, они были готовы воевать. Им обещали новые планеты, земли без смога над городами-мегаполисами, новую жизнь… и вот все внезапно обернулось абсолютно иначе.

Выжить.

Их сознание не было готово к такому обороту судьбы.

* * *

Штурмовой транспорт «Нибелунг» являлся новинкой, недавно поступившей на вооружение военно-космических сил Земного Альянса.

Нужно сказать, что машина с честью прошла испытания. Четверо выживших могли поклясться в этом.

Впрочем, сейчас им было не до технических рассуждений о степени надежности той или иной машины.

В обшивке «Нибелунга» открылась рампа десантного шлюза. Темный, камуфлированный язык пандуса ударился о голубоватую коросту льда. В глубинах шлюза стоял огромный, пятикратно превышающий человеческий рост боевой шагающий робот — еще одна адская новинка, недавно поступившая на вооружение В КС Альянса.

Земные конструкторы создали это сервоприводное чудовище после ощутимых поражений на планете Дабог, где десантные подразделения столкнулись с несколькими похожими исполинами, сорвавшими тщательно разработанный план вторжения.

Механические чудовища Дабога являлись аграрными механизмами, которые были созданы колонистами, сообразно с конкретной спецификой родной планеты, но когда началась война, эти монстры, вооруженные горнопроходческими лазерными установками, стерли в пыль силы вторжения, заставив командование Альянса серьезно пересмотреть свой взгляд на эффективность существовавшей до той поры планетарной техники.

Новый вид боевых машин рождался в спешке. Реальный прототип,

который можно было бы разобрать и исследовать, захватить не удалось, и конструкторам Альянса пришлось заново изобретать велосипед, руководствуясь лишь видеозаписями.

Главный принцип — шагающий эндоостов, они ухватили верно, а насколько он соответствует своему страшному прообразу, должны были показать полевые испытания, для которых, собственно, и разрабатывались штурмовые транспорты класса «Нибелунг».

Сергей Патрушев не имел ни малейшего представления о том, как развивались военные действия на сотнях планет. Он уснул сто лет назад, чтобы проснуться среди холода, где-то на задворках Вселенной, заброшенный волей капризной судьбы внутрь непонятной конструкции, принадлежащей, судя по выводам бортовых кибернетических систем, ни много ни мало, а чуждому разуму, гораздо более древнему, чем Человечество.

Он сидел в рубке «Фалангера» — тяжелой машины весом в пятьдесят тонн[9] и расширенными глазами смотрел, как зев открывающейся рампы впускает внутрь шлюзовой камеры красноватый свет чуждой звезды.

Пандус лег на голубоватую коросту кислородного льда, взметнув искрящуюся голубую крошку. Вокруг царила ватная тишина. В отсутствие воздуха внешние микрофоны «Фалангера» не передавали ни единого звука, и это еще более усиливало ощущение нереальности происходящего.

Сидя в кресле пилота-ложемента, Сергей в первый момент испытал мистический, граничащий с отчаянием ужас, но включившийся сигнал телеметрии подстегнул его, — следом, ожидая своей очереди, двигались еще три машины, и он должен был освободить шлюз.

С трудом взяв себя в руки, Сергей вывел «Фалангер» из шлюза «Нибелунга» и остановил машину в пятидесяти метрах от корабля поддержки.

Матерь божья… Разум отказывался переваривать то, что видели глаза. Зрелище не просто подавляло сознание своей чуждостью и масштабностью — оно низвергало рассудок в какую-то бездну…

«Фалангер» лейтенанта Райт тяжкой поступью проследовал мимо, кроша ступоходами тонкую корку льда, подернувшего место посадки.

Следом из чрева «Нибелунга» появились два «Хоп-лита», которыми управляли Фримен и Майлер.

— Начинаем движение, — раздался на командной частоте голос лейтенанта. Ее машина, покачнувшись, повернула к четырем десантным модулям, севшим поодаль от их «Нибелунга».

Сергей осторожно тронул с места свой «Фалангер». За исключением десятичасовой тренировки на Лунных базах никто из них не имел реального опыта вождения многотонных сервоприводных машин. Этот вид планетарной техники, которому предсказывали большое будущее, поступил на вооружение сил Альянса незадолго до выхода их корабля в космос, и большинство пилотов было знакомо со своими машинами лишь по тренировкам на компьютерных симуляторах реальности.

Приобретение боевого опыта предполагалось совместить с полевыми испытаниями первых партий машин.

И вот они начались, эти самые чертовы испытания…

«Фалангер» лейтенанта Райт уже подошел к первому из четырех «Нибелунгов». Следуя за ней, Сергей увидел, что грузовая аппарель штурмового транспорта разложена в рабочее положение.

«Что бы это могло значить?» — мелькнула в голове неприятная мысль. Повернув торс машины, он увидел, что у второго десантного транспорта, который просматривался из этой точки, аппарель также выдвинута из обшивки.

— Все мертвы… — Раздался тем временем голос Райт. — Парням повезло меньше, чем нам. Их автоматика дала полный сбой при инициализации процесса пробуждения.

— Лейтенант, посмотрите на аппарель, — произнес Сергей. — Она развернута.

«Фалангер» Элен Райт резко повел торсом.

— Действительно… — чуть дрогнувшим голосом согласилась она. — Сейчас проверю. — Из корпуса ее машины выхлестнулся гибкий щуп соединительного интерфейса, и его наконечник вошел в ответное гнездо, расположенное в обшивке модуля подле выдвинутой аппарели.

Несколько секунд бортовые компьютеры «Фалангера» и «Нибелунга», установив связь, обменивались паролями и кодами доступа, затем пошла информация.

Элен, не выдержав, выругалась вслух.

— Машины ушли самостоятельно, — наконец прокомментировала она по связи. — На них установлен программный пакет «Одиночка».

— Что это значит, лейтенант? — вступил в разговор Фримен.

— Это значит, капрал, что, когда тебя прибьют, твой «Хоплит» будет продолжать бой, — раздраженно ответила она. — До меня тоже, как выясняется, не довели всех нюансов… — созналась Элен и тут же добавила: — Киберсистема «Нибелунга» сообщает, что на остальных транспортах выживших нет. Машины покинули борт в автоматическом

режиме, выполняя миссию поиска вероятного противника.

— И что теперь делать? — поинтересовался Курт.

— Заткнуться, — раздраженно оборвала его лейтенант. — Будем двигаться вдогонку ушедшим машинам, соблюдая разумную дистанцию. Нужно разобраться, что это за пакет «Одиночка». Думаю, если впереди есть какая-то материальная опасность, то эти кибернетические умники ее сметут. Ну, а если нет, то нужно попытаться перехватить контроль над ними.

Сергей тоскливо посмотрел на далекую дымку, застилающую изгибающийся кверху горизонт.

«Мы все сошли сума… — тоскливо подумалось ему. — Мы тут подохнем…»

* * *

Четыре боевые машины, разбившись попарно, двигались по леднику.

Очертания «Нибелунгов», поначалу четкие, контрастные, теперь постепенно начала поглощать туманная дымка. Анализаторы машин на протяжении последнего десятка пройденных километров показывали наличие вокруг разреженной атмосферы. В воздухе, состав которого по данным приборов был вполне пригоден для дыхания, медленно кружили неправдоподобно большие хлопья снежинок.

Отпечатки ступоходов машин четко выделялись на голубоватом фоне кислородного ледника. Следы вели в направлении горного массива.

Сергей вел свой «Фалангер» по коварной, скользкой поверхности, и гробовая тишина обволакивала его сознание, исподволь разрушая те крохи самообладания, что удалось сохранить в душе после пробуждения.

Молчали внешние микрофоны — стылый воздух снаружи имел еще слишком маленькую плотность, чтобы нормально передавать звук, молчал и коммуникатор — никому не хотелось говорить, и каждый из четверых выживших пытался адаптироваться сейчас к той реальности, которую предлагал распростершийся вокруг невообразимо чуждый человеку мир.

А посмотреть было на что. Один только горизонт, не обрывающийся ровной линией, а изгибающийся вверх, наподобие стенок гигантской, опрокинутой кверху дном чаши, был способен свести с ума: на поверхности уходящих ввысь стен, несмотря на туманную дымку, можно было угадать рельеф, и это низводило разум до состояния шока, ступора. Забыться, отрешиться от неприятных мыслей, преодолеть чуждость огромного пространства, на простор которого забросила их злая судьба, было попросту невозможно. Стоило взгляду зацепиться за нереальный

горизонт, как воображение начинало дорисовывать невидимые глазу подробности и, разыгравшись, тут же принималось прочить сотни неведомых опасностей из тех, что просто обязаны существовать среди кажущихся мертвыми пространств…

Радиотишину внезапно нарушил хрипловатый голос Майлера:

— Эй, посмотрите вверх!.. — взволнованно произнес он. — Я не понимаю, что это такое, Фрайг его раздери?!

Сергей глянул в указанном направлении и через верхний сегмент прозрачного бронетриплекса кабины действительно увидел нечто, так сильно задевшее воображение Курта.

Легкий озноб пробежал вдоль позвоночника.

По леднику, двигаясь от предгорий в сторону бреши, медленно ползла угольно-черная тень. Отбрасывавшая ее конструкция парила в багряно-фиолетовых небесах. Она казалась не просто исполинской, — край огромной плоской плиты, скользившей по незримой орбите вокруг красного солнца, протянулся через небеса, перечеркивая их от горизонта до горизонта, и порождал ощущение, что сама конструкция бесконечна.

Каковы ее истинные размеры и предназначение, не взялся судить ни один анализатор, связанный с бортовой кибернетической системой шагающей машины

Просто плита. Материальная плоскость, видимый торец которой сейчас наползал на горячечный диск звезды, порождая внизу густую черную тень.

Элен Райт приостановила визгливую поступь своей машины

Услышав стихающий вой сервоприводов ее «Фалангера», Сергей взглянул на датчики и убедился, что слух не обманул его — вот уже несколько минут они двигались в атмосфере, которая по своей плотности почти не уступала земной.

Тень медленно ползла по леднику, погружая окрестности сначала в багряный сумрак, а затем и вовсе в кромешный мрак.

— Очевидно, мы наблюдаем искусственную смену дня и ночи, — глубокомысленно прокомментировал явление Фримен

Сергей промолчал, следя за тем, как тень наползла на машину лейтенанта Райт и поглотила ее. Через секунду в том месте весело вспыхнули искры габаритных и опознавательных сигналов «Фалангера».

В принципе, Сергей был согласен с утверждением Джона. Если этот мир создан искусственно (а сомневаться в этом было бы глупо), то, значит, и явления, происходящие на его просторах, должны быть подчинены определенной логике. Исходя из этого, предположение о смене дня и ночи

казалось наиболее разумным и оправданным. Сергей уже понял, — нельзя давать распоясаться нервам, иначе воображение окончательно поглотит остатки здравого смысла.

Вокруг почернело. Тень плиты накрыла его машину, и свет померк, словно его отрезали ножом.

Он оглянулся.

Четкая линия терминатора уже уползала прочь, деля ледник на два разноликих пространства.

— Ладно. Двигаемся дальше, — произнесла Райт, включая прожекторы своего «Фалангера».

— А стоит ли лезть в горы в такую-то темень? — высказал сомнение Курт.

— Отставить разговоры, — оборвала его Элен. — Мы двигаемся по следам машин. Где прошли они, там сможем пройти и мы.

Сергей не стал пререкаться, все равно спорить с лейтенантом было бесполезно. Включив ручной привод фароискателя, он поворочал основным прожектором, поднимая его конусообразный узкосфокусированный луч так, чтобы максимально осветить следы прохождения шагающих машин.

До горного массива оставалось не более пятнадцати километров, и прозрачный воздух позволял рассмотреть фрагменты лежавшего впереди рельефа.

Отпечатки ступоходов шагающих машин вели к горам и, судя по направлению, терялись в огромном, чернеющем впереди провале какой-то пещеры.

— Это похоже на тоннель, — сделала вывод Элен Райт. — Начинаем движение.

Она первой тронула с места свой «Фалангер», а следом волей-неволей пришлось двигаться и трем ведомым машинам. Их путь вел к чернеющей в нескольких километрах выше по склону округлой дыре.

Глава 4

Глубокий космос. Район современного дрейфа «Звездной Крепости»…

Во мраке космоса, в невообразимой дали от обитаемых миров, медленно дрейфовала окруженная обломками, изуродованная, потерявшая первоначальную форму, бронированная сфера «Звездной Крепости».

Казалось, чудес не бывает, и уже ничто не способно повлиять на этот медленный неуправляемый дрейф огромной межзвездной станции, которая волею судьбы стала гробницей, мрачным склепом как для беглецов, пытавшихся найти спасение в иных галактических пределах, так и для тех, кто хотел это бегство прервать в угоду амбициям давно покинувшего бренный мир адмирала Надырова.

Чудес не бывает…

…Во мраке космоса вдруг вспыхнула колючая, яркая звездочка.

Шли дни, и она приближалась, росла, упрямо следуя избранному курсу, постепенно увеличиваясь в размерах и приобретая конкретные очертания материального объекта.

Это был космический корабль.

Сблизившись со станцией, он умерил сияние, исходящее от его двигательных установок, затормозил полет и наконец остановился, уравняв скорость с неторопливым дрейфом изуродованной звездной крепости.

Когда погасло сияние его ходовых секций, то в неярком свете габаритных и навигационных огней космический странник стал удивительно похож на фантастического ската, темного, приплюснутого, притаившегося на самом краю поля бесформенных обломков, которые окружали «Звездную Крепость», будто порванные бусины страшного, противоестественного по своей природе ожерелья…

* * *

Они не являлись ни грабителями, ни искателями приключений, и привел их сюда не случай, не надежда на поживу и не жажда острых ощущений. Появление «Генезиса» в районе дрейфа «Звездной Крепости» стало итогом долгих, упорных и целенаправленных поисков.

Стоило посмотреть на троих членов его экипажа, как становилось понятно, что они хранят в своих душах какую-то тайну, и распростершееся

на обзорных экранах поле изуродованных обломков, край которого освещали мощные прожекторы «Генезиса», сейчас живо напоминает им что-то уже виденное раньше, сугубо личное, сокровенное, но, несомненно, пережитое вместе…

Наиболее загадочным из них казался человекоподобный робот.

Морриган Блекхоуз не зря опасливо косился на андроида, пытаясь понять, что это за странная модель бытового автомата разгуливает по кораблю, производя впечатление равноправного члена экипажа.

Подобранный на орбитах Кьюига контрабандист так и не смог найти приемлемого ответа на свой вопрос. Истина крылась глубоко в прошлом и не была доступна его сознанию.

В этом смысле робот казался более восприимчив, чем некоторые из людей. Хотя металлопластиковое лицо дройда не было способно к активной мимике, но сам облик человекоподобной машины каким-то образом все же передавал свойственный людям отпечаток эмоционального состояния.

Сейчас Андор испытывал подавленность. Вид поля бесформенных обломков, растянувшегося на орбитах вокруг изуродованной станции, угнетал его точно так же, как Семена с Яной.

Кто-то спросит: разве может что-то тяготить, заботить машину?.. Нет, конечно, но Андор не являлся исполнительным механизмом в том смысле, который подразумевается под этим расхожим термином миллиардами обывателей.

Его судьба была так же жестока и капризна, как судьбы двух детей, оказавшихся заложниками противостояния Земли и Колоний.

Оказывается — в сознании машины тоже могут жить свои призраки прошлого… Глядя на уродливое ожерелье, обрамлявшее изъязвленный лазерным огнем бронированный шар «Звездной Крепости», Андор видел несколько иную картину… Воспоминания кибернетического существа, мгновенно извлеченные из долгосрочной памяти, показались бы человеку слишком яркими, реальными до дрожи:

…На несколько мгновений он ослеп — в глаза ударил отраженный от металлической равнины, красноватый свет пульсирующей во мраке космоса туманности…

Через долю секунды видеодатчики адаптировались к яркому мерцанию, и он начал узнавать знакомые очертания некоторых вершин.

Это было жуткое, жалкое и одновременно завораживающее зрелище. Огромный сфероид сиял в красном свете туманности, словно кристалл со множеством граней, составленных из сотен уродливых обломков, по сути,

это было скопление хлама, собранного воедино силами гравитации. Фрагменты корпусов космических кораблей щерились безобразными пробоинами, выставив наружу остовы изувеченных механизмов или хрупкую паутину переломанных антенн…

Вечный памятник безумию войны…

Когда-то, очень давно, тут сошлись в яростной схватке два космических флота, и уничтоженная планета, все еще умирающая в виде клубящейся, кровавой туманности, была немым свидетелем и одной из многих жертв варварского безумия того боя…

Шло время, и разрозненные осколки битвы, подчиняясь законам гравитации, начали собираться вместе. Те, что имели высокие кинетические энергии, навсегда покинули систему погибшего планетоида или стали дальними спутниками кроваво-красной туманности, но основная масса кораблей со временем образовала неправильной формы шар, диаметром около ста километров.

Так в глубинах космоса возник этот мир, краткая история которого была полна трагизма беззвучных катастроф, взрывов и столкновений. Прошло много лещ, прежде чем он обрел некоторую стабильность, столкновения и взрывы почти прекратились, и новоявленная планетка закружила по эллипсу орбиты вокруг клубящейся ядерной клоаки, увлекая за собой длинный хвост более мелких обломков…

…Андору потребовалось некоторое усилие, чтобы вырваться из омута воспоминаний. Перефокусировав зрение, он повернул голову.

Семен и Яна сидели рядом в креслах за терминалами управления «Генезиса». Глядя на них, андроид испытывал смешанное чувство: они являлись для него самыми близкими существами, и в то же время, в силу своей машинной рациональности, он понимал, что их плоть не вечна и когда-то он останется один…

Воспоминания, предчувствия — все это смешивалось в уникальном, не имеющем аналогов фотонном процессоре кибернетического существа, обрабатывалось им и… превращалось в мысли, чувства, поступки.

Сейчас, глядя на Семена и Яну, он вспоминал прошлое, не в силах вырваться из его цепких объятий.

История мальчика и девочки, выросших на кладбище кораблей, могла показаться жутким бредом, вымыслом… если бы не протекала на его глазах.

…Их родители, чудом уцелевшие в страшном столкновении двух космических армад, но брошенные на произвол судьбы среди обломков великой битвы, пережили свой личный ад и погибли, не выдержав

противостояния с боевыми кибернетическими механизмами, которыми в первые годы буквально кишело кладбище изувеченных кораблей.

Там не выдерживал даже металл, а сознание ломалось, гасло в считанные дни, словно пламя свечи, попавшее под порыв сквозняка[10]. Взрослые сходили с ума в жуткой реальности невыносимых будней Сфероида, так могли ли выжить маленькие дети в недрах уродливых, разгерметизированных металлических глыб, которые под действием сил взаимного притяжения медленно собирались в неправильное сфероидальное скопление?

Десять из десяти опрошенных наверняка ответят: нет.

Но ведь они выжили.

По-разному складывалась их судьба. Теперь, бросая взгляд назад, в прошлое, Андор не мог не признать, что их шансы были ничтожны, но в конечном итоге, в свершившемся факте их встречи, а затем и спасения не присутствовало никакой мистики. Жестокость обстоятельств, самопожертвование взрослых, отдавших свои жизни в их защиту, да еще — машины, одни из которых поддерживали жизнь, а другие стремились ее уничтожить, — вот факторы, что долгое время определяли их судьбу.

Мир Сфероида был жесток, и он действительно совершенно по-особенному сформировал их сознание. Как легендарный Маугли, который вырос среди волчьей стаи, Семен взрослел в обстановке кладбища полумертвых машин и вполне естественно перенял как его законы, так и ритмику жизни. Он научился ощущать скафандр частью своего тела, по сути воспринимал его как кожу. До определенного возраста мальчик никогда не видел планет и не очень верил в их существование, равно как и в миф о людях. Он думал, что изуродованный Сфероид, состоящий из сотен уничтоженных в битве кораблей, и есть мир, Вселенная, а человек, которого он называл отцом, — единственное живое существо среди хаоса покореженного металла.

Ему было двенадцать, когда отца не стало.

Мир Сфероида тогда сомкнулся вокруг мальчика, стал еще холоднее, ненормальнее…

Он остался совсем один, был доведен обстоятельствами до грани полного отчаяния, когда в своих блужданиях по недрам противоестественного стального шара встретил Яну.

Девочка, в противоположность Семену, которого судьба забросила в мир Сфероида в возрасте двух лет, родилась уже здесь, на кладбище кораблей, в маленькой колонии выживших в битве людей. Она лишилась

родителей в бессознательном младенчестве. Дальнейшая ее жизнь, после того, как погибли родители, протекала в стенах нескольких надежно защищенных, загерметизированных помещений. Ее ангелом-хранителем и стал Андор…

В отличие от ранимых, беззащитных детей, он был машиной и не нуждался в системах жизнеобеспечения. Он мог самостоятельно существовать в условиях кладбища кораблей, в него заранее были заложены обширные базы данных, которые хранили значительное количество информации о людях, Галактике, Вселенной…

Человекоподобный робот, функционировавший на основе абсолютно нового экспериментального фотонного процессора, обрел самосознание спустя несколько минут после активации и вышел в страшный, покореженный мир Сфероида уже мыслящим существом. По злому стечению обстоятельств, создавший его человек пал жертвой все той же варварской битвы, и Андор, в основу которого была положена функция саморазвития, постигал окружающий мир точно так же, как дети, формируя собственное сознание под прессингом извращенной действительности.

Став свидетелем смерти создавшего его человека, который активировал Андора уже в минуты агонии, он с первых дней своего существования не питал никаких иллюзий относительно места, в котором ему довелось родиться. Осознав его противоестественность, он начал искать людей, — существ, подобных его Создателю, и в конце концов, после долгих блужданий в недрах изувеченных обломков, наткнулся на несколько загерметизированных отсеков, вокруг которых совсем недавно разразился бой между людьми и лишившимися централизованного командования боевыми машинами. Там он нашел Яну.

Десять лет девочка росла под его неусыпной опекой. Человекоподобный робот стал для нее воплощением заботы, родительской ласки, источником знаний и средством к выживанию.

Она росла, не покидая защищенных отсеков, среди книг, фильмов, в мире иллюзий.

Появление Семена разбило ее замкнутую реальность и в конечном итоге привело их назад, в обитаемые человеческие миры, но прижиться там, где царили совершенно иные законы выживания, где все покупалось, продавалось и имело свою цену, они не смогли…

* * *

Семен, глядя на обзорные экраны «Генезиса», испытывал схожие чувства. Он тоже оказался во власти воспоминаний, но они были несколько

менее эмоциональны и более практичны, чем у Андора.

«Звездная Крепость» колонистов… Глядя на ее сумеречный контур, Семен перебирал в памяти не собственное прошлое, а известные ему исторические факты.

Пять обитаемых планет принимали участие в переоборудовании огромной орбитальной станции. Сто лет назад, когда разгорелся конфликт Земли и Колоний, население последних не надеялось победить в надвигающейся войне, которая ввергла обитаемый космос в настоящий хаос. После первых сокрушительных поражений лишь недавно образованный Союз Свободных Колоний начал распадаться под ударами эскадр Земного Альянса.

Это было мрачное для цивилизации время. Сотни сражений вспыхивали в пространстве, и зачастую в противостоянии гибли целые планетные системы…

Колонисты, находившиеся на борту «Звездной Крепости», уже пережили тяжкий крах собственных миров и не питали никаких иллюзий относительно будущего.

Это были мужественные люди. Они отказались от бессмысленного противостояния и увели циклопический корабль-станцию в сторону незаселенной и неисследованной части пространства, по сути — в неизвестность, надеясь сбежать от всеобщего безумия и найти новую родину как для себя, так и для тех, кто уснул в ледяном безвременье низкотемпературных саркофагов, в тиши криогенных залов.

Под такой попыткой массового исхода, бегства от войны, существовала разумная почва. У колонистов имелся богатый опыт заселения чуждых миров, а терять экипажу и пассажирам переоборудованной станции было абсолютно нечего. Они всерьез надеялись на успех своей миссии — ведь прототипом «Звездной Крепости» стали испытанные временем колониальные транспорты старой Земли, к которым добавился весь опыт выживших колоний.

Но, несмотря на тщательную подготовку, «Крепость» канула в никуда. Несколько раз ее видели случайные корабли, но постепенно она стала легендой.

Правительства некоторых планет уже после войны предпринимали попытки поиска затерявшейся станции, однако безрезультатно.

Трагическая разгадка была проста, и ее следовало искать в архивах ныне покойного Земного Альянса…

* * *

Десятиметровый лобовой монитор, занимавший всю переднюю стену в рубке управления «Генезиса», создавал ощущение окна, распахнутого в бездну.

Яна, затаив дыхание, следила, как растет в его стерееобъеме нечто невероятное.

Издалека это было похоже на миниатюрную планету, окруженную темными, зловещими кольцами, но чем ближе они подлетали, тем четче становились леденящие подробности.

В центре ирреальной конструкции находилась сфера переоборудованной для полетов в пространстве орбитальной станции. То, что издалека казалось несколькими темными кольцами, на самом деле представляло собой целое поле, составленное из изуродованных обломков малых и больших кораблей. Почти пятьдесят километров сплошного металла, окольцовывавшего станцию.

— Перед нами печально известный своим таинственным исчезновением Третий флот Земного Альянса, — проговорил Андор, указывая на жуткое кольцо из погибших кораблей.

— Они пытались захватить «Крепость»? — спросила Яна, запуская программу компьютерного видения. Прожекторы «Генезиса» были бессильны осветить исполинскую конструкцию, и в отсутствие иных источников света нарисовать четкую картинку мог только процессор их корабля.

Андор внимательно рассматривал проступающие изображения.

— Адмирал Третьего флота был весьма амбициозен, и к тому же — жаден. Он понимал, что командование не одобрит его рейд, но… победителей не судят. Захват легендарной «Звездной Крепости» мог вознести его на вершину славы, не говоря о баснословной стоимости этого сооружения и уникальности его бортового оборудования. Поэтому он, получив разведданные о ее местоположении, решился на самостоятельные действия.

В этот момент процессор «Генезиса» окончил сканирование, и на обзорном экране, вместо мрака и смутных контуров, проступила четкая картинка.

Глаза Яны посерели. Конечно, она привыкла к подобным картинам еще на Сфероиде, но разыгравшееся воображение неумолимо воскрешало далекие события, заставляя девушку сопереживать открывшейся ее взгляду панораме обломков.

Руки Яны легли на клавиатуру.

Процесс «Сканирование», — ввела она директиву.

На дисплее вспыхнуло изображение «Крепости», считанное из памяти бортового компьютера.

— Перед вами базовая модель космической станции, — пояснил бесстрастный голос бортовой кибернетической системы «Генезиса». — Диаметр по горизонтали 42 километра, по вертикали 47 километров. Обшивка выполнена из керамлитового сплава. Первоначально станция проектировалась как орбитальный транспортный узел. Она имеет три внутренних космодрома, сто двадцать постов управления, а также системы противокосмической обороны. Штатный экипаж — тысяча двести человек. Позднейшие усовершенствования добавили к бортовому оборудованию пять криогенных залов, банк генофонда, инкубаторы воспроизведения и неустановленный набор планетарной техники. Данные по загрузке криогенных залов отсутствуют…

В этот момент Семен подошел к ее креслу, и Яна машинально прижалась щекой к его ладони, которая легла ей на плечо.

— Посмотри на это. Мне кажется, я никогда не привыкну… — тихо произнесла она, легким движением головы указав на экран обзора.

«Генезис» двигался очень медленно. Крепость приближалась, укрупняясь, выдавая все больше подробностей своего строения. В ее обшивке зияли безобразные пробоины, обломки надстроек окружал зацепившийся за них мусор. Ни одного огня, никаких признаков жизни, лишь неподвижный изуродованный металл вокруг.

На тактическом мониторе появилась выделенная красным окружность. «Генезис» медленно приближался к ее краю.

— Это зона безопасности, — пояснил Андор, включая режим окончательного торможения. — Неизвестно, так ли мертва станция, как кажется. Судя по всему, экипаж «Крепости» отбивался до последнего, уничтожив целый флот. — Он красноречиво указал на окольцовывавшие изуродованную сферу обломки.

— Мне непонятно, чем было вызвано такое ожесточение схватки? — Семен подошел к экрану, словно это могло ему помочь рассмотреть нечто, ускользающее от взгляда других. — Мотивы адмирала Надырова вполне ясны, — после поражения в системе Дабога он больше походил на безумца, чем на вменяемого боевого командира, а вот почему экипаж станции не счел возможным сдаться?

— Возможно, они были наслышаны о жестокости адмирала? — предположил Андор.

— Вряд ли… — нахмурился Семен. — Станция покинула границы освоенного космоса несколько раньше того момента, когда на

командующего Третьим ударным флотом обрушилась немилость Всемирного Правительства. Думаю, что причина кроется глубже, — на борту станции может оказаться нечто исключительно ценное… по крайней мере по мнению ее экипажа.

— Но Морриган ведь честно признал, что уже несколько раз совершал тут сбор оружия и не обнаружил ничего стоящего особого внимания, — напомнила ему Яна.

— У нас с господином Блекхоузом разные представления о ценностях, — не оборачиваясь, ответил Семен. — К тому же я сомневаюсь, что человек, типа Морригана, проник в глубь этих обломков более чем на километр.

Яна встала из своего кресла, подошла к Семену и попробовала заглянуть ему в глаза.

— Что ты надеешься там найти? — с тревогой спросила она.

Семен покачал головой.

— Пока рано строить какие-то предположения. Нет ничего хуже пустых надежд. — Он коснулся губами ее щеки. — Мы уже проходили такое, верно?

* * *

Небольшой отделяемый модуль осторожно приближался к «Крепости».

— Три километра, — проговорил Андор. Перед андроидом светился экран радара. — Никакой активности.

Семен, устроившись в кресле у тактического терминала, напряженно вглядывался в проплывающие под днищем модуля глыбы металла. Они шли над плоскостью эклиптики поля обломков. Кольцо не было столь однородным, как казалось издали, и фрагменты космических кораблей, лишь отдаленно напоминающие творение человеческих рук, пребывали в медленном, хаотичном движении, словно гигантские молекулы…

Пять лет они смотрели один и тот же кошмарный, однообразный сон… «Генезис» посетил десятки подобных кладбищ. Но ни на одном они не нашли жизни…

— Два километра. Похоже, системы обороны «Крепости» не функционируют.

Андор на секунду включил дюзы коррекции, подтолкнувшие модуль к огромной пробоине в борту.

Семен закрыл забрало гермошлема и встал.

Провал приближался, словно черная пасть мифического монстра.

— Пятьсот метров…

От модуля отошли две телескопические штанги причаливания.

Двести метров…

Глухой удар возвестил о контакте. Сработали автоматы вакуумной сварки, разбрызгивая ослепительные искры, и небольшой корабль намертво пристыковался к станции, впившись в ее обшивку, словно клещ.

— Яна, как слышишь нас?

— Слышу нормально. Изображение устойчивое. Удачи!

* * *

Семен открыл люк.

«Звездная Крепость» занимала все обозримое пространство вокруг. Ее выпуклый борт уходил в бесконечность.

Медленно перебирая руками по причальной штанге, Семен пересек провал и коснулся ногами края безобразной пробоины. Следом за ним двигался Андор.

Преодолев нагромождение взломанных взрывом бронеплит, они оказались в просторном радиальном коридоре, ведущем в недра станции.

Два фонаря резали тьму столбами света.

Здесь когда-то кипел бой. Видимо, те, кто уцелел после гибели космического флота, неоднократно пытались штурмом овладеть цитаделью колонистов…

Семен прошел по коридору, заглядывая через сорванные взрывами двери в отсеки, но его взгляд находил лишь разбитую аппаратуру, взорванные пульты да посеченные лазерами стены.

— Бой продолжался долго, — прокомментировал Андор, отсканировав произвольно избранный участок стены и сосчитав количество выщерблин на сохранившемся фрагменте облицовки. — Видимо, оборона была взломана и расчленена на отдельные очаги сопротивления. — Он начал медленно поворачиваться. Яркий глазок инфракрасного прожектора выдавал работу сканирующих систем дройда.

— У меня создается впечатление, что экипаж пытался удержать центр станции, не считаясь с потерями… — спустя некоторое время добавил Андор.

Семен не ответил. Он устал от безумия. Конечно, он понимал, что если долго исследовать уродливые обломки войны, то в конечном итоге можно запросто сойти с ума. По крайней мере однобокое и превратное отношение к цивилизации будет гарантировано.

«Нельзя забывать о том, что люди создали немало доброго и

прекрасного», — это Семен повторял себе достаточно часто…

Бытие определяет сознание… Древний постулат заставлял его думать, снова и снова… Люди имели право на жизнь, но не такую, которая воцарилась на сотнях миров спустя сто лет после окончания войны. Миллиарды детей и по сей день рождались в обстановке непрекращающегося противоборства, их души калечила пропаганда, низкий социальный статус ограничивал возможности для развития, и еще сотни уродливых обстоятельств тяготели над новыми поколениями, которые не были повинны в таком состоянии дел. Семену было тяжело осознавать, что лишь единицы могут пройти через период такого «возмужания», не потеряв себя…

— Насколько глубоко проникают твои системы тепловидения? — наконец, отрешившись от мрачных мыслей, спросил он у своего спутника.

— От километра до полутора, — ответил Андор. — Это зависит от механических препятствий. Толщина переборок в некоторых местах очень велика, и мои…

— Что ты видишь? — прервал его пространные пояснения Семен.

Андор пожал плечами, совершив чисто человеческий жест.

— Сплошные разрушения. Ни одного источника активного тепла, — ответил дройд, продолжая поворачиваться. — Боюсь, что в зоне действия моих сканеров в данный момент присутствует только мертвый металл.

Семен окинул взглядом изуродованный, теряющийся во мраке коридор и произнес:

— Нужно найти межуровневый транспортный тоннель, иначе мы можем шагать по этим коридорам до скончания века. Думаю, что внешний периметр станции действительно мертв, как нам и сообщил Блекхоуз. Нужно проникнуть глубже.

Андор согласно кивнул. Изменив режим сканирования, он быстро отыскал вход в транспортную систему станции.

— Двести метров прямо по коридору. Там вертикальный транспортный тоннель, но все цепи его электромагнитов сейчас обесточены, — предупредил он.

Семен лишь пожал плечами.

Тому, кто вырос в недрах Сфероида, не нужны были действующие коммуникации. Андор знал это не хуже его самого.

Глава 5

Борт «Генезиса». Две недели спустя…

— Яна, я в салоне жилой палубы. — Семен взглянул на часы. — Пора завтракать. — Он отпустил клавишу интеркома и подошел к столу, который уже был сервирован на две персоны.

Сев в кресло, он задумался, рассеянно глядя по сторонам.

В недалеком прошлом «Генезис» являлся военным кораблем, и в интерьере его палубных модулей изначально отсутствовал даже намек на само понятие «комфорт». Взгляд Семена остановился на свежих панелях пластиковой облицовки, которые имитировали фактуру зеркального дерева планеты Рори Он знал, что за ртутным блеском декоративных панелей остались крепежные гнезда и связки оптиковолоконных кабелей от демонтированных боевых систем. Помещение, которое он только что назвал «салоном жилой палубы», на самом деле в недавнем прошлом было напичкано смертельной электроникой, предназначенной для взаимного истребления людей.

Этот корабль долгое время служил войне, и им предстояло еще очень много сделать, чтобы огромный электронно-механический левиафан перестал вызывать бессознательную дрожь одним своим видом.

Тихо прошипела пневматикой входная дверь.

Яна вошла в салон, прервав его задумчивость.

— Почему ты ушел один? — спросила она, наклонившись для поцелуя и накрыв лицо Семена золотистым дождем своих волос. Он непроизвольно вздрогнул, отвечая на ее ласку, и в который раз вспомнил, как впервые увидел это чудо, еще в мрачных глубинах Сфероида, когда наивная десятилетняя девочка кинулась ему на шею при второй встрече, точно так же окутав гермошлем заблудившегося в смертельном лабиринте собственной души одинокого, похожего на волчонка мальчика…

— Ты так сладко спала, что я не стал будить тебя. Яна села за стол напротив и, прежде чем поднять

герметичный колпак, накрывавший ее прибор с завтраком, внимательно посмотрела на Семена.

— Ты чем-то встревожен, — безошибочно угадала она.

Семен не стал отрицать.

За годы, проведенные вместе, они так глубоко узнали друг друга, что

давно научились мыслить в унисон.

— Меня разбудил сигнал тревоги, — ответил он. — Автоматы разведки обнаружили, что с одного из разрушенных крейсеров Альянса не так давно был произведен запуск пяти штурмовых транспортов класса «Нибелунг».

Брови Яны удивленно приподнялись.

— Что значит «не так давно»? Семен пожал плечами.

— Приблизительно за пять-шесть стандартных двадцатичетырехчасовых суток до момента нашего прибытия сюда, — ответил он. — Более полную информацию собрать не удалось. Один из МаРЗов[11] обнаружил следы затухающей энергетической активности в бортовых сетях крейсера. Его бортовой компьютер был уничтожен, но я на всякий случай отдал приказ зондам более тщательно осмотреть корабль и в итоге получил видеоизображение свежих царапин на броне шлюзовых створов и анализ соскобов окалины. Экспресс-обработка дала ее приблизительный возраст: не более двадцати стандартных суток… — Он грустно улыбнулся. — Вот и вся цепочка рассуждений.

— Ты так уверенно сказал, что это были «Нибелунги»…

— Ну, да, — кивнул Семен. — Малые крейсера Альянса оснащались штурмовыми транспортами именно такого класса. Окалина обнаружена на стартовых плитах пяти парковочных мест. Сами модули отсутствуют.

— Но куда они могли полететь? — Яна вопросительно посмотрела на Семена. Оба понимали, что спустя сто лет после войны «Нибелунгами» могла руководить лишь автоматика, а уж программные критерии машинной логики были известны им во всех подробностях. Автоматика никогда не поведет отделяемый модуль в никуда. Полет наудачу исключался — значит, у бортовых компьютеров стартовавших «Нибелунгов» была конкретная цель, но тут в цепочку рассуждений вкрадывалось противоречие: навигационная система «Генезиса» не фиксировала в радиусе двадцати световых лет от точки дрейфа «Звездной Крепости» ни одной звезды, не говоря уже о населенных планетных системах.

— Андор сейчас занимается этим вопросом, — произнес Семен. — Думаю, он сможет определить, какими ориентирами руководствовались бортовые киберсистемы «Нибелунгов».

— А что с «Крепостью»? — спросила Яна. Ее взволновало известие о неожиданном открытии, но девушка привыкла мыслить рационально и понимала лучше Андора никто не справится с внезапно возникшей задачей, а строить бесплодные догадки и гипотезы их отучила жизнь в недрах

Сфероида. На самом деле мир прост, а сложным его делают излишняя торопливость и скоропалительность нетерпеливых выводов.

— Пока что новостей нет. — Семен протянул руку, чтобы взять бокал. — Автоматы разведки заканчивают осмотр внешних палуб, но результаты отрицательные. Все разрушено. Нет никаких явных признаков того, что на станции после сражения существовали очаги жизни. — Он задумчиво посмотрел на Яну и добавил:

— Не стоит расстраиваться, исследован только внешний слой коммуникаций, всего три палубы, считая от обшивки. Глубже разрушения заметно уменьшаются, а следы грабежа исчезают вовсе. Активных энергетических цепей пока не обнаружено, но делать выводы рано. Недра станции могут скрывать все, что угодно. Ты же знаешь, — когда есть выбор, люди будут стремиться уйти вглубь, подальше от разрушений.

Яна кивнула, соглашаясь.

Ей так же, как Семену, очень хотелось верить, что их пятилетние поиски не напрасны. Однажды они найдут чудом уцелевший анклав, ютящийся в страшных недрах какого-либо из кладбищ кораблей. Конечно, это будут не сами выжившие в той или иной битве, а их потомки, но суть от этого не менялась. Пока существовало хоть одно неисследованное кладбище кораблей, они обязаны искать. А если найдут — то забрать спасенных из ненормального мира металлических глыб, которые те уже наверняка считают своим домом, и увести их подальше от той клоаки, в которую постепенно превращается послевоенная цивилизация. Куда-нибудь в чистый, девственный мир, где они смогут вырастить хотя бы одно поколение, вдали от превратностей войн, амбиций и власти денег. Многие называют такую мечту утопией, но для Семена и Яны это была внутренняя, моральная потребность. Нет ничего утопичного или неправильного в том, чтобы взять все лучшее, что сумело создать Человечество, и подарить это своим потомкам, не омрачая груз знаний тяжестью грехов.

Он близился, этот час, но ни Семен, ни Яна еще не знали, какое открытие ждет их в мрачных глубинах «Звездной Крепости»…

Они заканчивали завтрак, когда на панели связи внезапно вспыхнул тревожный сигнал, уже второй за это утро. Семен, не вставая, протянул руку и коснулся сенсора.

— Что там? — напряженно спросила Яна.

— Доклад автомата разведки. — Он пробежал глазами по строкам появившегося сообщения. — Похоже, что какой-то из кибермеханизмов наткнулся на работающий консервационный модуль. — Семен обернулся. — Там вполне может оказаться кто-то из защитников

«Крепости», раненный во время боя.

Щеки Яны слегка побледнели. Она порывисто встала, не скрывая того смятения чувств, которое охватило ее.

Неужели это тот миг, которого они ждали пять долгих лет?

Глаза Семена не смогли однозначно ответить на ее не высказанный вслух вопрос. Он предпочитал не питать иллюзий, чтобы не разочаровываться впоследствии.

— В скафандровый? — спросила Яна, вставая.

— Да. — Семен тоже встал. — Думаю, нет смысла отвлекать Андора от работы. Справимся вдвоем.

* * *

Болезненные ощущения жизни вернулись к нему вместе с тенью, которую он увидел сквозь помутневший от конденсата прозрачный пластик низкотемпературного гроба.

Олег приходил в себя очень тяжело, и видение склонившейся над колпаком светловолосой девушки поначалу показалось ему бредом.

Он ощущал боль и зуд.

Эти симптомы возникли совершенно внезапно и начали очень быстро усиливаться. Помимо болезненных ощущений и этого смутного, ирреального образа, который по-прежнему маячил по ту сторону запотевшей пластиковой преграды, он мало что воспринимал, а еще менее — помнил.

В голове крутились какие-то обрывки воспоминаний, прошлое казалось разорванным в клочья, и отдельные его фрагменты замысловато, бессистемно перемешивались, еще более усугубляя естественное замешательство Олега.

Самая верная, здравая мысль свидетельствовала в пользу того, что он бредит, умирая.

Среди смутных, обрывочных воспоминаний наконец прорезалось нечто конкретное: он вдруг вспомнил хрусткий удар пули, мгновенно онемевшее плечо… вспомнил, как выстрел отшвырнул его назад, ударив о переборку, а он пытался зажать здоровой рукой простреленный скафандр, видя, как из-под пальцев пульсирующими толчками сочится кровь, и чувствуя, как это мерзкое, беспомощное онемение разливается по телу…

Потом пришла спасительная мысль — воздух в коридоре есть, — значит, выживу, — но ноги вдруг стали ватными, непослушными, а сам коридор, расцвеченный рубиновыми вспышками инфракрасного лазера, внезапно крутанулся перед глазами, и он сполз на пол, успев напоследок

удивиться тому, какой широкий красный след остался на переборке…

Потом был мрак, тишина… Кажется, он пытался куда-то ползти в те секунды, когда ненадолго приходил в себя.

Дальше память запечатлела лишь хаотичное мерцание огоньков, ощущение холода и дрожи, которая ударила по полубессознательному телу в миг, когда вселенская чернота ринулась на него со всех сторон…

И вот, оказывается, он не умер?..

* * *

Следующий проблеск сознания не принес ничего нового, кроме усилившихся болезненных ощущений. Олег лежал, находясь в странном плену: что-то опутывало его, стесняя движения, свет был смутным, во вдыхаемом воздухе чувствовались сладковатые запахи медикаментов.

Он попытался пошевелиться, но добился лишь того, что вновь провалился в черную, спасительную бездну беспамятства.

…

На третий или четвертый раз получилось лучше.

Он опять пришел в себя в удушливом сумраке, но смог удержать сознание, сконцентрировавшись на своих ощущениях, надеясь, что болью удастся прорвать полог беспомощности и бесчувственности, но, прислушавшись к себе, он вдруг понял — боли больше нет. Есть слабость мышц, тошнотворное головокружение, но боль исчезла.

В этот миг и произошло его окончательное возвращение в мир материального.

Мутная преграда над головой, замыкавшая пространство его узилища, внезапно дрогнула и, отчетливо чавкнув уплотнителем, поползла вверх.

Это открывался колпак консервационного медицинского модуля.

Олег лежал, не в силах пошевелиться, лишь его расширенные глаза жили на бледном, осунувшемся лице. Его взгляд впился в растущую щель, за которой уже виднелся фрагмент переборки какого-то отсека и она — белокурый ангел из его предыдущих горячечных видений.

Рядом с ней стоял молодой парень, ровесник Олега.

Он первым подошел к открывшейся камере, но не затем, чтобы поправить или отключить множество проводов и трубок систем жизнеобеспечения, оплетавших худое, истощенное тело Таирова.

Нет. По какому-то наитию он сделал именно то, в чем Олег сейчас нуждался больше, чем в медицинской помощи, — протянув руку, парень пожал его безвольную, усохшую ладонь и, глядя в глаза Таирову, сказал, лаконично и непринужденно:

— Ты жив и находишься среди друзей. Война давно закончилась, и тебе нечего бояться. Мы спасатели.

Последнее сказанное им слово не совсем точно отражало истинную суть «Генезиса» и его малочисленного экипажа, но для Олега, который был оторван от мира и умирал, постепенно истощаясь от раны и крионических процессов, такой термин был наиболее понятен, и он сразу же поверил сказанному, но не расслабился, а сжал в ослабевших пальцах ладонь Семена, словно пытался ощутить, впитать человеческое тепло после ледяной бездны полусна-полусмерти.

Он поверил ему сразу и безоговорочно.

Об остальном можно было поговорить потом, а сейчас слабое подобие улыбки тронуло синеватые губы Таирова.

Он вернулся, выжил, и его возвращение граничило с чудом.

* * *

Первый серьезный разговор Семена и Олега состоялся спустя двое суток, когда Таиров уже окреп настолько, что смог встать и самостоятельно покинуть медицинский модуль «Генезиса».

— Сюда, Олег, — Семен указал на автоматически открывшуюся дверь каюты. — Здесь ты будешь жить.

Таиров вошел внутрь и с любопытством осмотрелся.

Все происходящее никак не укладывалось в его сознании. Он давно уже разуверился в существовании чудес, и ему было трудно нормально реагировать на ситуацию. Сам факт, что его, полумертвого, погруженного в низкотемпературный сон, нашли спустя почти столетие после окончания войны, казался ему практически невероятным…

«Но ведь я жив!..» — Олег очень часто повторял себе эту мысленную фразу на протяжении двух последних суток. Нужно было брать себя в руки и адекватно воспринимать действительность, а не бродить, словно сомнамбула, действуя всем на нервы своими выпученными глазами и недоверчивым взглядом.

На самом деле состояние Таирова никому не действовало на нервы, но он не знал об этом, пребывая в плену тех мыслей и моральных оценок, которые были присущи атмосфере последних дней «Звездной Крепости», когда стало ясно, что флот адмирала Надырова настигает станцию и смертельного противостояния уже не избежать.

«Нужно хотя бы по-человечески поблагодарить их…» — подумал Олег, продолжая озираться.

Каюта была просторной и никак не походила на тесные клетушки с

привинченными к стене двухъярусными койками, которые составляли основу жилых помещений «Звездной Крепости».

— Здесь раньше располагался склад боекомплекта, — пояснил Семен, обводя широким жестом помещение каюты. — Мы переоборудовали всю артиллерийскую палубу «Генезиса» под жилой модуль.

Таиров, у которого в голове по-прежнему царил настоящий содом, а мысленные вопросы к Семену выстраивались в длинную очередь, не нашел ничего лучшего, как сесть в кресло, расположенное подле удобного стола-терминала, и, сцепив побелевшие пальцы в замок, спросить:

— Кто вы, на самом деле?

Вопрос вышел хриплым и не очень-то приветливым, но Семен не обратил внимания на интонации.

— Мы частные лица, занимающиеся поиском выживших, — спокойно и кратко пояснил он, садясь во второе кресло. — Рассказывать нашу с Яной историю сейчас нет смысла — это долго, да и ни к чему. Постепенно ты все поймешь и узнаешь, а сейчас просто поверь в факт своего спасения. На борту «Генезиса» ты в безопасности.

Черты лица Олега постепенно разглаживались, теряя угловатую напряженность.

— Выходит, война закончилась?

— Да, давно.

Олег некоторое время молчал, что-то мучительно обдумывая, а затем вскинул голову и спросил:

— Я могу чем-нибудь помочь вам? Семен кивнул.

— Мы занимаемся поиском выживших, — повторил он, глядя в глаза Олегу. — Я подозреваю, что ты не единственный, кого можно спасти в этих обломках, но «Крепость» имеет огромный внутренний объем, и мы можем затратить годы на послойное исследование ее палуб. Нас не интересуют материальные ценности, — только люди. Если ты знаешь, где они могли уцелеть, то такая информация значительно облегчит нашу задачу.

Таиров кивнул, внезапно побледнев, будто его в эту секунду вдруг потрясла какая-то мысль.

Глаза Олега внезапно стали мутными, за считанные мгновения утратив блеск вернувшейся было жизни, и он произнес, бледнея еще больше:

— Залы… Криогенные залы «Крепости»… Господи, как я мог забыть?!

* * *

Спустя полчаса от «Генезиса» отделился челночный корабль.

Преодолев забитое обломками пространство, он состыковался с модулем, который две недели назад был намертво соединен с пробоиной в борту «Звездной Крепости».

Человек и андроид прошли прозрачным тоннелем и скрылись в недрах мертвой станции.

Их путь через покореженное пространство внешних палуб, благодаря указаниям Таирова, оказался достаточно прост и короток: уже через несколько сот метров Семен обнаружил отмеченный на компьютерной карте колодец обесточенной вертикальной шахты.

Миновав его устье, он очутился в просторной трубе. Под треснувшей пластиковой облицовкой виднелись жгуты проводки. Когда-то здесь работали электромагниты, создававшие подъемную силу в транспортном колодце, но сейчас они не функционировали. Семен не обратил внимания на это неудобство, — отталкиваясь руками от стен, он начал разгоняться, следуя вдоль ствола шахты, уводящей в глубь «Крепости». По его движениям сразу становилось понятно, что в вакууме и невесомости Семен ощущает себя как рыба в воде.

Сзади Андор повторял его движения. Сканеры андроида работали на полную мощность, передавая оперативную информацию на маленький экран, закрепленный внутри гермошлема его спутника.

— Триста метров в минуту. Думаю, что достаточно, — предостерег дройд.

Семен согласно кивнул, чуть снизив скорость.

Мимо проносились огромные плоскости палуб. Никакой электрической активности, лишь мрак и мертвый металл.

Спустя некоторое время, следы разрушений вокруг исчезли.

— Семен, вы приближаетесь к какому-то источнику энергии! — раздался в коммуникаторе голос Яны, которая с борта «Генезиса» координировала их перемещения. — По моим данным, он находится на семьдесят пятой палубе.

— Понял.

Семен перевернулся и затормозил полет коротким включением двигателей закрепленного за спиной реактивного ранца скафандра.

Андор пролетел еще с десяток метров и погасил скорость у закрытого палубного люка.

— Я пойду первым, — предупредил он, вскрывая защитный кожух панели управления межпалубным шлюзом.

* * *

Через минуту они вышли в кольцевой коридор семьдесят пятой палубы.

Тут вообще не было разрушений. Стены облицовывал белоснежный пластик, бликующий в свете фонарей.

«Криогенный зал номер один», — прочел Семен надпись у массивных бронированных ворот.

— Источник энергии расположен дальше, — подсказала Яна. — Подключитесь к любому разъему палубы, и я смогу определить точнее.

Андор быстро нашел распределительный щит, снял облицовочную панель и включился в цепь.

— Так… Это триста метров вправо по коридору! Сейчас… — голос Яны на мгновение смолк. — Вот, нашла! По схеме это будет криогенный зал номер три!

Семен поплыл по коридору в указанном направлении.

У внушительных створов шлюза, запирающего вход в третий криогенный зал, горел зеленый сигнал. Это была первая искра света, замеченного ими среди мертвого мрака «Крепости».

Андор, не говоря ни слова, склонился к кодовому замку. Несколько секунд он возился с ним, прежде чем тяжелые створы дрогнули и медленно поползли в стороны.

Семен первым вплыл в просторную переходную камеру шлюза. Сквозь забрало его гермошлема было видно, как смертельная бледность пятнами проступает на его щеках. Он нервничал и ничего не мог поделать с этим.

Мучительно долго тянулись секунды, пока заработавшие компрессоры систем шлюзования нагнетали воздух в переходную камеру. Наконец внутренний люк начал медленно открываться, но уже через несколько мгновений завибрировал и застрял, отодвинувшись всего на треть своего хода, — что-то отчетливо хрустнуло в древнем механизме подачи, и этот звук, переданный внешними микрофонами скафандра, показался Семену оглушительным.

С трудом протиснувшись в образовавшуюся щель, он оказался в небольшом отсеке, похожем на пост оператора.

Перед прозрачной стеной стояли несколько пультов управления. Ровные шеренги зеленых индикаторов сияли на их панелях, и вид этих трепетных огоньков, свидетельствующих об исправной работе каких-то систем жизнеобеспечения, заставил сердце Семена гулко и аритмично

стукнуть в груди.

Чуть в стороне стоял пустой письменный стол. В кресле, за ним, полулежало тело человека в истлевшей форме. Длинные седые пряди волос обрамляли лицо мумии, но даже иссохшие и искаженные черты красноречиво свидетельствовали о том, что перед ними — глубокий старик, скончавшийся естественной смертью. На пустой пластиковой столешнице призывно желтел лист какого-то документа.

«ВВЕРЯЮ ИХ ВАМ», — прочел Семен странную, заставившую его вздрогнуть всем телом надпись, начертанную крупными буквами на хрупком, пожелтевшем листке обыкновенной бумаги.

Все происходило в жуткой, гробовой тишине. С трудом заставив себя оторвать взгляд от мумифицированного тела, Семен толкнул прозрачную дверь и вошел в криогенный зал.

Он чувствовал всю сверхъестественную древность этого помещения. Это ощущение ползло медленной бесконтрольной дрожью вдоль позвоночника. Свод зала терялся во мраке, но решетчатые палубы и гулкие лестничные марши были скупо подсвечены редкими, источающими дезинфицирующий ультрафиолетовый свет лампами.

Семен вдруг понял, что шаг, который он только что сделал, был, вероятно, самым важным в его жизни.

Ровные шеренги подсвеченных изнутри низкотемпературных капсул гиперсна терялись в бесконечности зала. Работающих ячеек были десятки, и в каждой лежал… ребенок!

Семен стоял, не в силах оторвать взгляд от концентрических кругов, составленных из пятен бледно-голубого света.

Это были дети колонистов, которых, по словам Таирова, собрали в одном криогенном зале, переключив на его аппаратуру все автономные источники питания «Крепости». Теперь становилось понятно, почему экипаж станции сражался до конца, не желая сдаваться силам Третьего ударного флота, даже когда ситуация стала совершенно безнадежной.

Глядя на шеренги капсул, он вдруг вспомнил все свое прошлое, от которого, как выясняется, не убежать, не скрыться, не похоронить его внутри себя под пологом забвения, — ведь исключительно память привела их сюда, только это сосущее, саднящее сердце чувство выпавшей на долю его и Яны несправедливости двигало их поиском, заставляя перемещаться от одного кладбища кораблей к другому.

Смел ли он надеяться на то, что судьба приведет его к полумертвым от недостатка энергии криогенным залам, где в гробовой тиши спали несколько десятков детей?

Конечно, он не подозревал, что исход поиска станет именно таким, но надеялся, не теряя этого спасительного чувства даже в самых мрачных глубинах созданных человеческой войной адских обелисков…

Не нарушая его молчания, Андор подошел к ближайшей камере и заглянул внутрь сквозь прозрачную крышку, которую изнутри кое-где покрывали замысловатые узоры инея.

Он увидел белокурую девочку лет пяти, укутанную клубящимся саваном консервирующего газа.

Семен повернулся.

Андор вдруг осознал, что впервые видит в его глазах слезы.

Борт «Генезиса». Два часа спустя

— Значит, мы умирали не зря… — тихо прошептал Олег, глядя на подсвеченные изнутри параллельные ряды капсул, в которых лежали худенькие, сильно истощенные затянувшимся гиперсном дети.

Яна не ответила на реплику Таирова. Ей было больно, — ведь ситуация на борту «Крепости» развивалась по пережитому ею лично сценарию. Здесь не присутствовало ни грамма мистики… Это надежда опять творила свое добро и зло, заставляя одних жертвовать собой, а других бессознательно принимать эти жертвы. Они стояли на мостике «Генезиса» и смотрели на укрупненное видеоизображение, которое транслировал бортовой компьютер.

Взгляд Яны остановился на белокурой девочке, чье исхудавшее личико казалось нереальным за разводами сконденсировавшегося внутри камеры инея.

«Как вовремя мы успели…» — невольно подумалось ей.

Яна знала, сколь коварен затянувшийся на десятилетия криогенный сон, ведь его процессы не предполагают остановки всех жизненных функций, а лишь замедляют метаболические реакции до известных пределов. Клеткам спящего человека по-прежнему требуется питание, и организм постепенно пережигает все жировые запасы тела. Поэтому дети так истощены, — еще лет пять-семь, и ни одна система поддержания жизни не смогла бы предотвратить превращения криогенных камер в гробы-холодильники.

От таких мыслей озноб пробирал по коже, хотелось немедленно предпринять какие-либо шаги, но Яна усилием воли справилась со спонтанным позывом.

Она покосилась на Олега, который стоял рядом с ней, опираясь на спинку противоперегрузочного кресла. Он все еще испытывал слабость, хотя выздоровление шло полным ходом: рана на плече затянулась, от нее остался лишь розовый рубец, и Андор после очередного осмотра, без опасений потрепал его по простреленному плечу, добавив, что человеческая плоть — это удивительный материал.

— Мой металлокерамический сплав не срастается сам по себе, — посетовал он.

Олег еще не вполне освоился с человекоподобной машиной. Некоторые фразы Андора его просто пугали, — андроид вел себя как самый настоящий человек: у него была своя очень ярко выраженная индивидуальность, которая никак не вязалась с его обликом…

…Задумавшись, Олег не заметил, как в зал главного поста управления вошли Семен и Андор.

Яна, ожидавшая их прихода, обернулась, взглядом спрашивая: «Ну, как?»

Семен утвердительно кивнул, устраиваясь в кресле за центральным терминалом.

Таиров наконец заметил вошедших, обернулся и увидел, что Андор жестом приглашает его подойти.

В первые дни Олег с большим трудом привыкал к тому, чтобы не напрягаться и воспринимать обращенное к нему доверие, как нечто само собой разумеющееся, хотя это было нелегко. Дело в том, что Таиров, как и миллионы его ровесников, из юности шагнул прямо в войну. Обстановка на тех мирах, где пришлось побывать ему во время скитаний, варьировалась от атмосферы воинствующего патриотизма до полной паники и растерянности, но везде, по крайней мере в среде беженцев, неизменными оставались два чувства: страх и взаимная настороженность, недоверие.

Война ломала судьбы людей, смещая моральные ценности, и если факт столетнего разрыва во времени между событиями, предшествующими ранению, и днем сегодняшним еще кое-как нашел понимание в его рассудке, то душа по инерции продолжала жить критериями прошлого…

Разве пустили бы его на мостик «Звездной Крепости», стали бы обсуждать с обыкновенным примкнувшим к анклаву беженцев эмигрантом с Дабога какие-то далеко идущие планы?

Конечно же, нет.

Эти трое, очевидно, привыкли жить по-другому.

Ни Семен, ни Яна с первого дня не пытались кривить душой перед ним. В некоторые моменты Олегу казалось, что они просто не умеют это

делать.

…Дождавшись, пока он подойдет и сядет в кресло, Семен включил информационный экран, на котором тут же появился угольно-черный фрагмент пространства, куда бортовой компьютер спроецировал непонятное красноватое веретено с закругленными торцами.

— Вот что обнаружили системы поиска в непосредственной близости от места сегодняшнего дрейфа «Звездной Крепости», — сразу же перейдя к сути, произнес он. — Это реконструкция объекта по тепловому отпечатку. По моим оценкам, перед нами искусственное сооружение, не принадлежащее человеческой цивилизации.

Олег, который никогда не занимался космической инженерией и никаким образом не причислял себя к специалистам в этой области знаний, смотрел на экран в полном замешательстве.

— Подобную конструкцию в виде сферы предсказал еще семьсот лет назад живший на нашей прародине Земле физик по фамилии Дайсон. — Семен нахмурился, что-то припоминая, а затем вдруг процитировал:

— «В пределах нескольких тысяч лет после вступления в стадию технического развития любой мыслящий вид займет искусственную биосферу, полностью окружающую его материнскую звезду…»

Андор кивнул, не то соглашаясь с древним ученым, не то просто подтверждая верность приведенной Семеном цитаты.

— Олег, — Семен обернулся к Таирову, — пусть тебя не шокирует отсутствие споров и словопрений, — мы привыкли общаться друг с другом, не отрицая и не обсуждая факты, которые становятся очевидными. Пойми логику нашего общения, и тебе станет намного легче воспринимать окружающий мир.

Таиров кивнул, хотя сделал это машинально, пребывая в полнейшей прострации. Потрясения обрушивались на него одно за другим, не давая опомниться, привести в порядок полностью дезориентированные мысли.

— Итак, перед нами факт: несколько миллиардов километров отделяют «Звездную Крепость» и «Генезис» от загадочной неисследованной и не описанной никем конструкции, принадлежащей иному разуму. По предварительным выводам, сделанным на основе сканирования, могу предположить, что Сфера — буду называть ее так — очень стара, разрушена временем и покинута разумными обитателями.

— Почему? — вырвался у Олега невольный вопрос.

Семен коснулся сенсора, увеличивая масштаб изображения. Красноватая конструкция, отснятая в волнах теплового излучения, поплыла навстречу наблюдателям, укрупняя подробности своего строения. Олег

заметил на ее поверхности черное пятно неправильной формы, а спустя несколько секунд по его явному перемещению понял, что Сфера вращается вокруг оси симметрии.

Дождавшись, пока пятно окажется в центре информационного экрана, Семен остановил изображение.

— Это пробоина в обшивке, — объяснил он, указав на черное пятно. — Первый аргумент в пользу того, что строители данной конструкции либо покинули ее, либо погрузились в стадию регресса, иначе были бы заметны следы ремонтно-восстановительных работ. Второй аргумент в пользу моего утверждения — это отсутствие каких бы то ни было свидетельств о контактах нашей цивилизации с представителями иного разума. Семьсот лет экспансии в глубины спирального рукава Галактики фактически превратили наше одиночество в постулат, аксиому. Мы видим перед собой первое, и единственное на сегодняшний день ее опровержение, из чего я опять делаю простой вывод: существа, построившие Сферу, либо вымерли, либо перестали путешествовать в пространстве.

Олегу, к которому обращался Семен, оставалось только кивнуть. Логика собеседника показалась ему железной.

Семен перевел взгляд на изображение тускло-красного эллипсоида вращения и добавил:

— По результатам навигационных исследований можно смело утверждать, что курс пяти военных транспортов «Нибелунг», стартовавших в автоматическом режиме из обломков крейсера Земного Альянса, ведет именно туда, к Сфере Дайсона. Думаю, что на борту «Нибелунгов» могли сохраниться функциональные криогенные камеры или, — он обернулся к Олегу, — консервационные модули, как было в твоем случае.

— Что ты хочешь сказать этим? — на бледных щеках Таирова вдруг появились пятна румянца. — Если на борту «Нибелунгов» и остались живые, то они сволочи, отморозки, подонки!..

Семен, выслушав его гневную тираду, покачал головой.

— Война закончилась сто лет назад, — возразил он. — На стороне Альянса воевали такие же люди, как ты, Олег. Вас разделила не личная вражда, а вражда политических систем.

— Ну и что? Они убийцы!

Яна покачала головой и вдруг спросила:

— А ты — нет?

В первый миг Таиров буквально онемел.

— Олег, если ты хочешь остаться с нами, то должен понять — война

закончилась, — негромко произнес Андор. — Все люди имеют право на собственную жизнь. Мы не навязываем тебе своего мнения, и ты волен поступать как хочешь, но, если решишь остаться с нами, ты должен будешь прекратить свою личную войну, которая сидит у тебя вот тут, — андроид выразительно постучал по своему металлопластиковому лбу. — Поверь, нам пришлось хлебнуть немало горя, прежде чем мы сумели понять, — противостояние бессмысленно, оно уничтожает души и разум, в конечном итоге заводя любого человека в моральный тупик.

Олег, слушая его, продолжал багроветь.

— А им вы тоже объясните это? — с вызовом спросил он.

— Надеюсь, — спокойно ответил Семен. — Вот посмотри, Олег, — он постучал ногтем по экрану, — перед нами величайшее чудо, загадка, можно выразиться, — тайна тысячелетий. Это с одной стороны. С другой, — он обернулся к экранам обзора и указал на обломки «Звездной Крепости», — дети, которым требуется срочная помощь. Скажи, разве два этих обстоятельства, сложенные вместе, не более достойный мотив для действий, чем обыкновенная ненависть к себе подобным?

Олег слышал его слова, но еще не был готов взвешенно принять их.

Отголоски прошлых чувств жили в его душе, и ему было неимоверно трудно в этот миг.

— Ты должен будешь принять решение в ближайшее время, — сказала Яна. — Мы не можем бросить криогенные залы под контролем обветшалой автоматики, питаемой истощенными энергосистемами. Нам придется интегрировать «Генезис» в разрушенные конструкции «Звездной Крепости», а это исключит саму возможность нашего скорого возвращения к обитаемым мирам.

Олег кивнул, отвечая этим жестом на ее последнюю фразу.

Он понимал их правоту, но понять и принять — это две абсолютно разные вещи.

Посмотрев на девушку, а затем на Семена, Олег вдруг с отчетливостью уяснил: в ближайшие часы ему придется сделать нелегкий выбор.

Глава 6

Сфера Дайсона

Когда машина Элен Райт вышла из тоннеля, вокруг по-прежнему царили красноватые сумерки. В багряных небесах повисло призрачное свечение, похожее на адскую ауру, обрамляющую видимый глазу контур орбитальной плиты.

Под ступоходами «Фалангера» отчетливо поскрипывал снег.

Элен не знала, та ли это орбитальная плита, что на их глазах заслонила своим краем старое, умирающее солнце, или за восемь часов, которые они провели в пронзающем толщу искусственного горного хребта тоннеле, над поверхностью Сферы уже сменился очередной цикл дня и ночи?..

«Впрочем, какая разница?» — устало и озлобленно подумала она, радуясь лишь тому, что им вообще удалось выбраться из этой чертовой трубы.

Тронув джойстики управления, Элен отвела свою машину на край скалистой площадки. Ветер, который в трубе достигал скорости до сотни метров в секунду, ощущался и тут. Исполинская труба втягивала воздушный поток с оглушительным воем, словно огромная, ненасытная пасть, и от этих звуков мороз драл по коже.

Еще недавно (в субъективном восприятии времени, конечно) лейтенанту Райт казалось, что нет на свете явлений, способных напугать ее до бесконтрольной дрожи, но восьмичасовая борьба с ураганным напором ветра настолько потрясла и измотала ее психику, что, оглядываясь назад, Элен нашла мужество признаться самой себе: никакая сила не загонит ее вновь под землю, в эту чертову аэродинамическую трубу, идеально подходящую лишь для одной цели — стендовых испытаний атмосферных истребителей…

Пока она предавалась мрачным размышлениям, в глубинах тоннеля появился колеблющийся проблеск света от плечевых фар второго «Фалангера».

Через минуту машина появилась из тьмы. Огромный сервоприводный механизм весом в пятьдесят тонн шел, заметно покачиваясь под ураганными порывами ветра. Четырехпалые отпечатки его ступоходов тут же заметал снег, принесенный бесноватым ветром.

Еще через несколько минут в глубине тоннеля вновь пробился желтоватый проблеск — это, преодолевая напор ветра, двигался один из «Хоплитов».

«Фалангер» Сергея Патрушева уже вышел на площадку, затерявшуюся среди скал, и, согнув ступоходы, застыл рядом с машиной лейтенанта Райт.

Тихо щелкнул коммуникатор.

— Чертова труба… — вполголоса выругался Сергей. Он был потрясен и измотан не меньше, чем Элен. Каково приходилось Фримену и Майлеру, чьи машины весили всего по сорок тонн, оставалось только догадываться.

Райт выпустила гидравлические упоры «Фалангера» и сняла сенсорные перчатки, давая отдых онемевшим от постоянного напряжения пальцам.

Ее взгляд скользил по экранам обзора, находя везде одну и ту же безрадостную картину: голые, потрескавшиеся от резких перепадов температур склоны, усеянные огромными глыбами угловатого пластика, с наветренной стороны которых синели пологие откосы сугробов.

Красноватый, рассеянный свет, источаемый небесами, превращал пейзаж в бесконечную кровоточащую рану.

Комментировать ситуацию не хотелось.

Раньше Элен считала себя достаточно смелой и подготовленной к любым превратностям судьбы, но реальность, в которой произошло их пробуждение, внезапно сместила все приоритеты… Глядя на багряный ландшафт, она вдруг с тоскливой отчетливостью поняла, что командовать боем и руководить элементарным выживанием — задачи диаметрально противоположные.

Кем они были на самом деле? Обыкновенными людьми, которых вытолкнула на войну самая заурядная безысходность. Жить на Земле к моменту начала Первой галактической стало не то чтобы невозможно, но тягостно. Переполненные города стирали понятие личности, работы не хватало так же остро, как и элементарного жизненного пространства, а прозябание на государственной дотации обеспечивало лишь гарантированную нищету в отсутствие всяческих перспектив.

Ничего удивительного, что в таких условиях начавшаяся война с колониями стала отдушиной для миллионов озлобленных, неуравновешенных, готовых практически на все обитателей Земли. Им обещали главное — перспективу, а все остальное, в том числе и способы достижения конечных целей, казалось уже не таким значимым…

И вот он, итог…

Совершенно чуждый, ледяной мир, освещенный кровавым сиянием умирающей звезды, какая-то фантасмагория, бред, в котором нет места для человеческого сознания.

Элен смотрела на подкрашенные в сочно-бордовый цвет скалы и понимала: она и эти парни — беспомощны. Их знания сводились к минимуму, который преподавала школа средней ступени, да и та информация, которую пытались вбить в головы городской шпаны не очень-то усердные учителя, тут же выветривалась, не оседая в памяти.

Как выжить? Что делать дальше? Как примирить свое сознание с этим миром?

У Элен не было ответа ни на один из заданных самой себе вопросов.

Ей было просто по-человечески страшно, и это чувство, не найдя никакого разумного выхода, начинало трансформироваться, словно глаза, натыкаясь на бесконечную череду кроваво-красных горных пиков, постепенно переплавляли подсознательный страх в осознанную ненависть.

Сфера Дайсона. Двенадцать часов спустя…

— Я больше не полезу ни в какую трубу! — голос Курта Майлера был резок и категоричен. — Хватит с меня испытаний на прочность!

— А что ты предлагаешь? — так же резко ответила ему Райт. — Может, ты думаешь, что сможешь жить тут, на этом леднике?

Курт замолчал, не откликнувшись на ее реплику.

Элен была права, хотел он понимать это или нет. Вот уже шесть часов кряду их машины шли по бесконечной голубовато-белой равнине. Сканеры показывали, что ледниковый щит, зажатый между двумя горными хребтами, имеет толщину до десяти километров.

— Дальше, за следующим хребтом должно быть теплее, — не очень уверенно предположил Сергей, который старался по мере возможности поддерживать позицию Элен, справедливо полагая, что разобщенность и перепалки приведут лишь к еще большим проблемам.

— Кто это тебе сказал, умник? — скептически поинтересовался Фримен. — Откуда ты знаешь, что там будет тепло?

— Здесь холодно из-за влияния той дыры, через которую наш «Нибелунг» проник внутрь этой конструкции. Чем дальше от нее, тем теплее, верно?..

— Логик хренов. Может, поменяемся машинами, прежде чем полезем

в очередной тоннель?

Сергей не ответил.

— Тихо, вы оба! — раздался по связи резкий окрик лейтенанта. В голосе Райт внезапно прорвались привычные, уверенные командные нотки, и на фоне всеобщей подавленности это возымело эффект. Случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Активный сигнал на моих сенсорах! — нарушил внезапно установившуюся тишину изумленный возглас Майлера. — Дьявол меня раздери, это какой-то механизм!

— Класс «Фалангер», — уточнила Элен, считав данные с активных радаров своей машины. — Один из тех, что покинули «Нибелунги» до нашего пробуждения.

— Что он тут делает? — задал идиотский вопрос Фримен. Судя по голосу, капрал был испуган.

— Ищет кого бы ему прикончить, — мрачно предсказал Сергей.

…

Человеческий гений не знает границ.

Плохо лишь то, что талант инженеров частенько начинает работать не на созидание, а на войну.

Ситуация, которая сложилась на ограниченном двумя горными хребтами пространстве ледника, имела ту степень злого абсурда, когда кажется — вот он, миг стопроцентной расплаты за все вывихи и перегибы, за гениальность и глупость, за амбициозность и преследование сиюминутных выгод.

Речь идет не о четырех конкретных людях и не о их машинах, а о ситуации вообще.

Абсурд состоял в том, что вокруг распростерлась исполинская конструкция, созданная чуждым человеку разумом, но сюда пришли не исследователи, вооруженные знаниями и стремлением постичь этот мир, а простые люди, загнанные в Сферу силой обстоятельств и желающие лишь одного — выжить. Они не могли испытывать трепет перед величайшим совершенным ими открытием, потому что уже ненавидели его.

Им навстречу, судя по новым, появившимся на радарах сигналам, двигалось шесть машин: три «Фалангера» и три «Хоплита».

Прекрасно спроектированные, смертельно опасные кибернетические механизмы, руководимые прямолинейной логикой компьютерных программ, что они делали тут?

Ответ был прост: они продолжали ту войну, которая закончилась около века назад. Машинам было все равно, по какой тверди ступают их

сервоприводные конечности, и единственным критерием оценок окружающего был анализ паролей, которые генерировали системы свой — чужой.

К ужасу Элен Райт, она поняла, что ее бортовой компьютер не может внятно ответить на зловещий вопрос, заданный на частоте связи. Это было ее ошибкой: потрясенная пробуждением, едва не лишившаяся разума от картин чуждой реальности, она, войдя в контакт с бортовыми системами «Нибелунгов», на борту которых не пробудился ни один член экипажа, попросту забыла скачать коды опознания, присвоенные машинам при аварийной реактивации.

…

— Что он делает, твою мать? — крик принадлежал Фримену, «Хоплит» которого оказался ближе других к машинам, руководимым независимой программой поведения типа «Одиночка».

Красноватый сумрак внезапно вспороли короткие хоботки огня — это заработали автоматические орудия «Фалангеров».

Оранжевые разрывы, кроша лед, заплясали вокруг «Хоплита» капрала Фримена.

В последнюю секунду он заставил свой «Хоплит» попятиться, и часть снарядов прошла мимо, но первый залп был лишь прелюдией к бесноватой, совершенно бессмысленной атаке.

Элен в эту секунду казалось, что она все же сошла с ума, но особенно острым это чувство стало в тот миг, когда второй залп атакующих машин полоснул по машине Фримена, срывая с нее дымящиеся пластины брони, и рубка «Хоплита» вдруг начала раскрываться, словно исполинский металлический цветок.

— Я не могу больше!.. — стыл в коммуникаторе отчаянный вопль Джона. — Катапультируюсь!..

Дымный выхлоп аварийно-спасательной катапульты швырнул капсулу пилот-ложемента в багряные небеса Сферы Дайсона.

— Лейтенант!.. Сделай же что-нибудь, иначе мы сдохнем!

Она не поняла, кому принадлежал этот вскрик. Похолодевшие пальцы Элен, затянутые в тонкую ткань нейросенсорных перчаток, уже толкали рукоятки управления, отклоняя торс «Фалангера» на величину выданной наводящим компьютером поправки.

В следующий миг ракетный залп пятидесятитонной машины потряс древний нечеловеческий мир.

* * *

Долина, расположенная за вторым искусственным горным хребтом, в тысяче семистах километрах от места посадки «Нибелунгов»…

— Мы что теперь, будем исполнять за них всю грязную работу?! — Фримен обернулся, зло посмотрев на контур двух «Фалангеров», которые затаились, согнув свои ступоходы за редкой порослью кустарника.

Обе машины выглядели плачевно. Их броню покрывали закопченные по краям выщерблины, в некоторых местах активные пластины отсутствовали вообще, обнажая оплетенные сервоприводами блестящие дуги базовых шасси. Рубка командирского «Фалангера» утратила герметичность из-за треснувшего бронетриплекса кабины.

— Скажи спасибо, что лейтенант удосужилась отыскать наши спасательные капсулы, — ответил ему Майлер. — Сидел бы ты сейчас где-нибудь на леднике, вмерзая в него своей задницей. Пошли, чего, стоять…

Джон сплюнул и нехотя поплелся за Куртом.

Короткий, но яростный бой с шестью кибернетическими механизмами довел людей до грани отчаяния. Они потеряли обоих «Хоплитов», да и «Фалангеры» ощутимо пострадали. У машины Патрушева вышел из строя вторичный контур охлаждения реактора, и теперь из недр сервоприводного чудовища нет-нет да и вырывался едкий зеленоватый пар, который сбрасывался через аварийные клапаны. Машина лейтенанта лишилась герметичности, но наиболее удручающим оказался тот факт, что артпогреба обоих роботов были пусты. У Элен оставалось четыре снаряда в правом орудии, у Сергея сохранилась лишь одна ракета.

…Майлер остановился, поджидая Фримена. В глазах Курта все еще стыл ужас скоротечной схватки. Положение казалось ему безнадежным. Конечно, они отбились от этих долбанутых машин, преодолели еще один горный хребет, но что из того? За их спиной остался ледник и страшная проплешина на нем, врезающаяся новоявленным ущельем в толщу искусственных скал этого странного мира. Останки восьми боевых машин навек вплавились в размягчившийся, а затем вновь застывший материал горных склонов, словно страшный обелиск человеческой войне…[12]

Впереди их также не ожидало ничего хорошего.

За горным хребтом действительно было теплее, снег и лед исчезли, но им на смену пришло необъятное пространство болот.

Как здесь жить?

У Курта, как и у Элен, не нашлось ответа на заданный самому себе вопрос.

Окраина болот. Час спустя…

— Эй, Курт, что это такое? — Джон Фримен раздвинул ветви кустарника, обрамляющего небольшую возвышенность, и застыл, полуобернувшись к своему напарнику.

Майлер присел рядом. Стараясь не шуметь, он выглянул в прореху между ветвями. Его лицо побледнело.

— Фрайг меня раздери… какое-то стойбище!.. — изумленно выругался он, машинально потянувшись за электронным биноклем, который болтался на груди.

— Выходит, Сфера обитаема?.. — хрипло спросил Джон.

— Сейчас посмотрим. Не дергайся. Держи ветку… Побелевшие пальцы капрала Фримена судорожно впились в волокончатый приклад «ИМ-12».

«Матерь божья. Нам не хватало только ксеноморфов…» — подумал он, машинально коснувшись пальцем заглубленного в приклад сенсора активации. Импульсная винтовка тихо взвизгнула затворным механизмом, на крохотном датчике высветилось число активных зарядов и трепетно заморгали индикаторы работы электромагнитных катушек ускорителей импульса.

Джон еще не видел обитателей стойбища, но уже был готов к самому худшему…

Их психика, деформированная сначала затянувшимся сверх всякой меры криогенным сном, затем безысходностью пробуждения, а после адским боем со взбесившимися машинами, давно уже находилась на грани полного срыва, который должен был наступить рано или поздно.

Они так надеялись, что по эту сторону горного хребта взглядам откроется приемлемое для жизни пространство… и поэтому поросшие редким кривым кустарником бескрайние болота сейчас казались им слишком слабым утешением после потери последних иллюзий, а внезапное открытие какого-то поселения и вовсе довершало безрадостную перспективу, словно ставило жирную точку в конце несбывшихся надежд, — выходит, и за сухой островок посреди топей тоже придется драться, отвоевывая его у исконных обитателей этого чудовищного, не укладывающегося в рамки человеческого сознания мира?

Беда Фримена и Майлера заключалась в том, что они слишком глубоко погрязли в навязанной им психологии. На поверку их разум оказался не столь гибок, чтобы вот так сразу уйти от понятий

конфронтации и взглянуть в электронный бинокль не со страхом и ненавистью, а с удивлением и надеждой.

Нет. Они смотрели именно со страхом.

Ничего хорошего уже не могло приключиться с ними под светом этого проклятого красного солнца. Их окружал слишком чуждый мир, и взгляд на его исторических обитателей только усугубил ощущение безысходности, добавив к нему отвращение и брезгливый ужас.

Поселение неведомых существ внешне напоминало заглубленный в почву муравейник. Возвышающийся над болотами покатый холм был сплошь изрыт черными провалами нор, подле которых высились оплывшие бугорки вынутой при строительных работах наносной почвы.

Неприятная, стесняющая душу догадка тут же нашла свое подтверждение — на холме действительно обосновались существа, напоминающие земных насекомых, но много крупнее и отвратительнее последних.

В глубине одной из нор что-то зашевелилось. Пальцы Майлера, сжимавшие электронный бинокль, дрогнули. Из норы под свет красного солнца выползла какая-то жуткая тварь: уродливая помесь муравья и кузнечика, исчадие чуждой эволюции — слишком мерзкое, отталкивающее и опасное, чтобы кто-то из двух притаившихся за кустами бойцов мог подумать о нем, как о существе разумном.

Нет.

Их ориентированная на войну психика, и так порядком изъеденная жуткими событиями последних суток, не смогла выдержать подобного зрелища.

Выпрямившись, существо оказалось полутора метров ростом. Его большие, выпуклые фасетчатые глаза занимали половину уродливого, с точки зрения человека, лица-маски, нос отсутствовал вообще, а вместо него посреди хитиновой лицевой пластины располагалось несколько имевших вид елочки углублений, из-под которых вырастали мощные ороговевшие челюсти.

Дальше события начали развиваться с той стремительностью, которая уже не предполагала осмысления ситуации.

…Курт уронил электронный бинокль, и прибор больно стукнул его в грудь.

— Отходим… — просипел он, оборачиваясь к Фримену, но капрал будто не слышал его.

Глаза Джона, расширенные от ужаса, смотрели в одну точку: на появившегося из норы ксеноморфа, а ствол импульсной винтовки уже

двигался вверх…

— С ума сошел?! — Майлер хотел оттолкнуть его, но не успел. Палец капрала Фримена коснулся сенсора огня, и сухая, шелестящая очередь вырвалась из импульсного оружия, посылая титановые шарики длинной веерной очередью.

Хруст хитиновых пластин инсектоидного существа смешался с полным недоумения, отчаяния и боли человеческим воплем.

Они начали падать одновременно — Курт Майлер, попавший под огонь обезумевшего капрала, и насекомоподобный ксеноморф, из простреленной груди которого пульсирующим фонтаном ударила коричневато-бурая жидкость, лишь отдаленно напоминающая кровь…

Глава 7

Сфера Дайсона. То же время…

Падал снег. Невесомый и пушистый, он беззвучно ложился на стылую землю, заметая ребристые следы тупоносой бронированной машины, которая двигалась среди ломких от мороза скелетов давно погибших деревьев.

Вокруг стояла звонкая, мертвая тишь. Двигатель шестнадцатиколесного вездехода работал практически беззвучно, и оттого каждый шорох, передаваемый внешними микрофонами, казался неестественно громким, звучащим, будто неожиданный выстрел.

Тихо скрипел, уминаемый литыми ребристыми колесами голубоватый кислородный снег. Изредка в хрустальной тишине разреженной, замерзающей атмосферы слышался приглушенный хлопок, когда лобовой скат машины задевал низкую ветвь дерева, и та обламывалась, роняя осколки своих сучьев.

Яна никогда раньше не видела столько снега.

Она не представляла себе, что на свете бывает такая красота. Беззвучный снегопад баюкал взгляд, зачаровывал разум, сердце замирало от той картины, что рисовали мониторы внешнего контроля.

Они уже пережили минуты ни с чем не сравнимого волнения, когда отделяемый модуль «Генезиса» проскользнул в пробоину и поднялся над внутренней стороной оболочки Сферы, освещенной лучами старого красного солнца.

— Как красиво… — тихо произнесла она, глядя на мониторы. — Это падает замерзающий воздух?

Семен ответил ей кивком.

Андор, который вел машину, произнес, не поворачивая головы:

— Теперь мне понятно, почему Сфера не теряет весь свой воздух через пробоину. Атмосфера начинает замерзать и выпадать на внутреннюю сторону оболочки задолго до того, как воздушный поток достигает бреши.

Таиров, который так же, не отрываясь, смотрел на проплывающие за бортом машины пейзажи, непроизвольно поежился. Его угнетал этот фантасмагорический мир. Он хотел, но не находил внутренних сил на то, чтобы так же, как Яна или Семен, испытывать трепет, восторг от открывающихся глазу картин.

Шестнадцатиколесная машина двигалась вдоль истончающегося края ледника, основная толща которого была зажата между двумя искусственными горными хребтами. Разведку вели уже вторые сутки, но пока что ее результат казался неутешительным: в лучшем случае им попадались свидетельства былой жизни, существовавшей здесь десятки, а быть может, и сотни тысяч лет назад.

— А как в таком случае происходит восстановление атмосферы? Почему она вся не превратилась в исполинские сугробы по краям пробоины? — спросил Олег, с трудом отрывая взгляд от панорамы бесшумного снегопада, который усиливался, грозя заслонить голубоватой пеленой все обозримое пространство.

— Внутренние слои Сферы очень хорошо проводят тепло, — ответил ему Семен, который большую часть времени проводил за отдельным терминалом, постоянно проводя какие-то измерения. — Под сугробами, должно быть, образуется микропарниковый эффект, — пояснил он. — Снизу снег подтаивает, и газ идет по трещинам в леднике, извергаясь наружу где-то в другом месте.

— А жить-то здесь можно? — спросил Олег.

— Здесь — нет, — лаконично ответил Семен. — Но дальше, за следующим хребтом, наверняка гораздо теплее.

Олег кивнул, хотя пояснения Семена мало о чем сказали ему. Он не понимал сути протекающих тут процессов, да и сама Сфера представлялась Таирову одной огромной страшной загадкой. Думать об этой конструкции, в сравнении с которой даже звезда казалась горошиной, было жутковато. Оставалось глазеть по сторонам, чтобы не мешать работе своих спасителей.

Среди ломкой череды законсервированных холодом деревьев внезапно появилась просека. Олег непроизвольно переключил внимание на открывшуюся взгляду брешь и вдруг понял, что деревья сломаны совсем недавно…

— Смотрите, тут кто-то был! — воскликнул он, указав на экраны.

Яна и Семен обернулись.

Андор сбросил скорость, притормаживая на скользкой поверхности ледника.

Вездеход прокатился еще метров пятьдесят и остановился, как раз в тот момент, когда в поле зрения видеокамер появилось устье узкого черного ущелья, стены которого носили явные следы бушевавших тут титанических энергий.

Олег не успел ни изумиться, ни испугаться. Готовый сорваться с губ вопрос внезапно застрял в мгновенно пересохшем горле, потому что

мутная снежная пелена вдруг приподнялась, сминаемая порывом ветра, и они увидели два почерневших кибернетических механизма, вплавленных в стены ущелья.

Это были человеческие машины времен Первой галактической войны, и схватка между ними произошла, судя по тонкой корочке едва образовавшегося льда, всего несколько суток назад!..

Сфера Дайсона. Окраина болот…

В первый момент, когда на болотах вдруг зачастили вспышки разрывов, Элен не поняла, что произошло. Она устала, была подавлена, и к отсветам от разрывов ее внимание привлекло восклицание Сергея:

— Элен, посмотри на экраны!

Она подняла голову.

— О черт!..

Раздумывать было некогда. На краю болот кто-то стрелял из импульсного оружия.

Несколько секунд понадобилось системам двух «Фалангеров» на предстартовую процедуру, а затем оба сервоприводных чудовища приподнялись над редкой порослью кустарника, распрямляя свои ступоходы.

От края болота, вверх по склону начинающихся предгорий, спотыкаясь и падая, бежал человек. Элен включила режим оптического увеличения и увидела, что это Фримен.

— Джон, что случилось? — выкрикнула она в коммуникатор.

— Помогите мне! Помогите! — пришел в ответ его крик. — Они гонятся за мной!

— Кто?!

Фигурка продолжала карабкаться по склону. Внезапно у края болот появилась группа каких-то существ.

— Сергей, включи оптику умножителей… — заледеневшим голосом произнесла Элен.

Патрушев повиновался.

Господи, что за твари гнались за Фрименом?!

— Капрал, где Майлер? — преодолев шок от увиденного, выдавила Элен.

— Он мертв! Я… Я застрелил его… Случайно…

Фигурка Фримена уже преодолела половину отделяющего его от

машин склона.

— Я не могу больше… — хрипя, выкрикнул он. — Убейте же их!

Элен не знала, что ей делать. Весть о смерти Майлера потрясла ее не меньше, чем вид преследующих Фримена насекомоподобных тварей.

— Стреляйте же! — упав и снова вскакивая, неистово орал он. — Их там множество! Стойбище, муравейник!..

— Лейтенант, надо помочь ему! Элен закусила губу.

Что она должна делать? В ее орудии осталось всего несколько снарядов. Топтать громадных муравьев ступоходами?

Проблему разрешил Сергей. Патрушев не выдержал. В пусковой установке его «Фалангера» оставалась еще одна ракета, и он выпустил ее параллельно склону.

Оранжево-черный разрыв ударил посередине между капралом Фрименом и преследующей его группой инсектоидных существ, которые, вероятнее всего, и являлись исконными обитателями Сферы.

Выстрел не мог причинить вреда ни Фримену, ни его преследователям, — скорее он был призван напугать последних, и это получилось. Группу существ разметало взрывной волной, но, когда рассеялся дым, Сергей не увидел трупов — существа, которые минуту назад гнались за Фрименом, теперь улепетывали вниз по склону.

— Джон? — позвал Сергей, но не услышал ответа.

— Он лежит неподвижно, — сообщила ему Элен, которая лучше просматривала пространство пологого склона.

— Подстрахуй, я выйду. Райт не стала возражать.

Все равно, они сдохнут тут, рано или поздно, сегодня или завтра, какая разница? Этот мир был слишком чужд человеку, чтобы оставлять им надежду на выживание.

Она дождалась, пока Сергей доберется до упавшего ничком Фримена и склонится над ним.

Наконец Патрушев разогнулся, и Элен услышала его голос.

— Он мертв… Не выдержало сердце… Райт не ответила.

Она плакала, не в силах больше воспринимать этот затянувшийся кошмар.

Ни Сергей, ни Элен не подозревали, что в эту минуту за ними наблюдают три пары человеческих глаз, вкупе с видеосенсорами робота-андроида.

Семен опустил электронный бинокль и сказал, обращаясь к своим спутникам:

— Нужно срочно остановить их, пока эти два «Фалангера» не

натворили чего похуже.

Предгорья. Несколько часов спустя…

Тупоносый вездеход стоял на краю ровной площадки, обнаруженной среди скал. Рядом, поджав ступоходы, застыли два «Фалангера».

Под козырьком причудливо выветренной скалы мятущимися отсветами пламени сиял костер, подле которого, зябко ежась от наступившего вечернего холода, расположились пять человек и робот-андроид.

— Значит, территория внизу занята насекомоподобными существами? — продолжая начатый незадолго до этого разговор, переспросил Семен, глядя на осунувшееся лицо Элен Райт.

— Да, — лаконично ответила она.

— Какой можно сделать вывод из их поведения? — неожиданно задал вопрос Олег.

Элен покосилась на Таирова. Боже, весь мир сошел с ума… Этот парень сотню лет назад воевал против нее, и вот они сидят вместе у теплящегося костерка среди замшелых, подернутых инеем пластиковых скал, под сводами чуждого и чудовищного искусственного мира, ведя беседу о способах выживания.

— Насекомые никогда раньше не сталкивались с людьми и созданными нами машинами… — глядя в огонь, ответил за нее Сергей. — Они не боятся роботов и человека. Но если звери, как правило, сторонятся неведомого, то эти твари лезут на рожон…

— Они защищают свою территорию, не более, — вступил в разговор Андор.

Все невольно повернули головы, посмотрев на человекоподобную машину. Если Олег уже успел немного привыкнуть к нему, то Элен и Сергей смотрели на андроида с явным недоверием и предубеждением.

— Их агрессивность свидетельствует о трудных условиях выживания и низком уровне цивилизованности, — спокойно продолжал излагать свои мысли андроид. — Скорее всего, они являются деградировавшими потомками строителей Сферы, — сделал он безупречный логический вывод. — Думаю, что добрососедство и взаимопонимание с ними, — это вопрос будущего. Семантическая пропасть между двумя нашими цивилизациями, должно быть, огромна, но она вполне преодолима при терпеливых усилиях хотя бы одной из сторон.

— Андор, мы не можем ждать, — напомнил ему Семен. — В криогенных залах «Звездной Крепости» спят дети.

— Я помню.

Только Яна и Семен могли знать, с какой невероятной скоростью сейчас работает фотонный мозг андроида. Он сопоставлял известные факты, анализировал их, делал выводы, снова сопоставлял и анализировал, но эти процессы никак не отражались на металлопластиковом лице дройда.

— Думаю, что нам не придется делить с насекомыми эти неуютные заболоченные равнины, — спустя некоторое время произнес он.

— Ты нашел какой-то выход? — спросила Яна.

— Теоретически, — ответил Андор и пояснил: — тоннели, которые пронизывают горные хребты, наверняка несут практическую функцию. Этот мир спроектирован разумными существами, и девяносто девять процентов его конструкций обязаны нести бремя функциональности.

— Тоннели как тоннели… — буркнул Сергей. — Транспортные артерии, что здесь непонятного?

— Не согласен, — повернул голову андроид. — Сквозь них дует ветер, скорость которого достигает нескольких сот метров в секунду. К ним не подведены автомагистрали, мы обнаружили лишь разрушенные временем, незначительные по своей ширине, а значит, и по пропускной способности дороги, которые не могут удовлетворять целям межрегионального сообщения.

— Тогда для чего проложены эти тоннели? — нахмурившись, спросила Элен.

— Управление климатом, — уверенно ответил Андор. — Я обратил внимание на то, что в стенах тоннеля, через который мы проникли на ледник, имеются характерные выступы, расположенные через равные отрезки. Думаю, что это торцы створов, которые могут смыкаться, перекрывая тоннель.

— А смысл? — спросил Олег.

— У такого исполинского мира должна существовать единая система управления, — пояснил андроид. — Возможно, что сейчас она мертва, разрушена, но раньше, манипулируя створами тоннелей, этот предполагаемый кибернетический мозг мог распределять движение воздушных масс внутри всей Сферы.

— Очень хорошо. Но нам-то что с того?

Семен, который, хмурясь, размышлял над словами Андора, начал понимать смысл его идеи.

— Мы можем попытаться взять на себя локальное управление

климатом, — произнес он. — Смотрите… — Он отломил ветку от лежавших подле костра дров, собранных в кустарниковых зарослях ниже по склону, и принялся чертить схему, царапая по коросте инея.

— Вот это — дыра в обшивке Сферы, — пояснил он. — Вот долина, дно которой покрывает кислородный ледник. Это тоннели, через которые в долину проникает космический холод, заставляя кристаллизовываться часть атмосферы. Но гейзеры, которые бьют из-под ледника, вырываясь через трещины, ясно показывают, что тепло, проводимое оболочкой Сферы, способно растопить ледник, и этому препятствует только холод, проникающий из района бреши. Если мы перекроем все тоннели, изолируя брешь, то в долине между двумя хребтами возникнет новый микроклимат, тепло перестанет уходить оттуда, восстановится атмосфера, а из-под растаявшего ледника обнажится древняя поверхность Сферы, которая наверняка имеет почвенный слой.

— И как ты собираешься перекрыть эти трубы? — хмуро спросил Сергей. — Ты видел их диаметр?

— Видел, — ответил Семен. — Но у нас есть ваши шагающие машины, которым под силу такой труд. Придется немного модернизировать их, но с этим легко справятся ремонтные механизмы «Нибелунгов».

— А почему мы должны преодолевать эти трудности и вообще, на кой черт нам оставаться в этом мире, если война давно кончилась? — спросила Элен, у которой пока что возникало больше сомнений и вопросов, чем энтузиазма.

— Возвращение невозможно, — спокойно ответил ей Семен. — Мы интегрировали «Генезис» в разрушенные структуры «Звездной Крепости», чтобы обеспечить надежное энергоснабжение и компьютерное управление сохранившихся криогенных залов. Мы не можем совершить процесс расстыковки и отключения систем, не повредив при этом спящим детям. Улетая сюда, мы не рассчитывали встретить людей и не думали о возвращении в обитаемые миры, — откровенно признался он. — Наша цель — основать колонию, которая будет изолирована от остальной части Человечества, и этот мир как нельзя более подходит для обозначенной цели.

На некоторое время у костра повисла тишина.

Каждый, глубоко переживая, обдумывал сказанное.

— Но почему? — наконец, не выдержав, спросил Сергей, выражая при этом вопрос, читавшийся в глазах как минимум троих участников разговора. — Почему мы должны жить тут?

Семен, который ждал подобной реакции, пожал плечами.

— Мы никого не принуждаем к этому, — ответил он. — Это ваше право — остаться с нами или идти своей дорогой. Мы с Яной и Андором не собираемся возвращаться в «цивилизованные» миры.

Яна, молчавшая до сих пор, неожиданно подняла голову, взглянув на Элен. Две женщины встретились взглядами и несколько секунд смотрели в глаза друг другу.

— Мы не вернемся, — негромко произнесла Яна. — Когда мы росли на кладбище кораблей и страстно мечтали о возвращении к людям, то не думали, что предвкушение праздника окажется во сто крат лучше, чем сам праздник. Дети, которые спят в криогенных залах «Крепости», не заслужили участи сирот.

— Все это хорошо в теории… — упрямо пробурчал Сергей, для которого заявления андроида оставались только словами, не более. Он смотрел на Андора, как на человекоподобную исполнительную машину, не понимая при этом, что в своем саморазвитии тот уже много лет назад пересек критическую черту и приобрел собственный разум. — Я не понимаю, почему мы не можем вернуться назад, в нормальные миры, и обратиться к какому-либо из планетных правительств?

— Потому что здесь у спящих детей есть шанс получить все технические блага цивилизации, избежав при этом атмосферы ненависти, нищеты и насилия, которая, к сожалению, сейчас присуща большинству послевоенных миров, — ответила ему Яна. Она вновь покосилась на Элен, которая сидела в напряженной позе, машинально покусывая губу, и добавила:

— Мы мечтали вырастить новое поколение вдали от войн… Извини, Сергей, но не думаю, что ты или кто другой сможет помешать нам, когда судьба наконец дала шанс на осуществление мечты.

— Да я не собираюсь вам мешать, но они! — рука Сергея выразительно указала вниз, где в туманной дымке испарений застыли сумеречные пространства заболоченных равнин.

— Они нам не помеха. Андор объяснил, каким образом мы можем отвоевать для себя место под этим солнцем, не развязывая при этом войны, ни с насекомыми, ни с кем бы то ни было вообще. Это удивительный мир, и думаю, что будет совсем несложно просто принять его и попытаться понять, полюбить, а не изнасиловать.

Конец едва начавшемуся спору внезапно положила Элен.

— Семен и Яна правы, — произнесла она, почему-то глядя при этом на андроида. — Нам нет смысла возвращаться. Нас никто не ждет там… — Ее глаза по невольной привычке посмотрели на небо, хотя внутри Сферы

понятие «небеса» несколько меняло свой привычный смысл. — Когда нас вербовали на Земле, то единственным нашим стимулом было стремление покинуть перенаселенный мир. Эта мечта сбылась, мы выжили, так зачем искушать судьбу? — Она говорила необычайно спокойно, с какой-то отрешенной вдумчивой грустью в голосе. — Нет… — она покачала головой, взглянув на Сергея. — Ты, как хочешь, но я останусь…

Он смотрел на нее, не веря ни глазам, ни ушам.

И это лейтенант Райт?!

— Элен, что с тобой случилось? Ты же всегда стремилась…

— Я всегда делала не то, что хотела на самом деле. Меня вынуждали быть лейтенантом Райт. А я мечтала быть женщиной… — тихо, без злобы и напряжения, ответила она.

Никто не смог возразить ей — ни Сергей, ни Олег, которого обуревали схожие чувства.

Пять человек и мыслящий дройд сидели подле теплящегося костерка, на склоне пластиковых скал, под чуждым солнцем совершенно фантастического исполинского мира, и думали в этот миг каждый о своем, но вместе — об одном и том же.

Им предстояло сделать нелегкий выбор и пройти совершенно непредсказуемый путь, чтобы в будущем их потомки смогли наконец объяснить происхождение раскинувшегося вокруг искусственного мира, выжить в нем, сохраняя все то сокровенное, что несет в себе имя собственное: Человек…

notes

Примечания

1

Блистер — полусферический выступ в обшивке, чаше всего — прозрачный. Применяется как огневая точка или, в случае мирного использования, для обзора прилегающего пространства и установки различной аппаратуры слежения.

2

События на Дабоге и Дансии описаны в романе «Дабог».

3

Крионика — подраздел физики и биологии, изучающий влияние низких температур на живой организм.

4

Оптическая кибернетика — раздел кибернетики, разрабатывающий компьютерные системы, основанные на передаче и хранении информации посредством световых волн.

5

Андроид (сокращенно — дройд) — человекоподобный робот.

6

Текстоглифы — специальные символы на кнопках клавиатуры, обозначающие, что данный сенсор активирует известную оператору командную последовательность. Используется на раскладках специальных клавиатур.

7

По поводу конструкции Сферы.

Предлагая в 1960 году свою гипотетическую Сферу, американский ученый Ф. Дайсон не рассматривал вопрос о ее конструкции и практической осуществимости. Позже появились работы по исследованию прочности такого сооружения. В. И. Давыдовым было доказано, что в материальной Сфере, окружающей Солнце, действуют силы, неизбежно приводящие к ее разрушению. Русскому ученому Г. И. Покровскому удалось найти заведомо устойчивый вариант Сферы Дайсона, представляющий собой совокупность окружающих Солнце колец (так называемая Раковина Покровского).

8

Джон Хаммер — Председатель Всемирного Правительства, один из тех, чьи решения в области колониальной политики инициировали Первую галактическую войну.

9

Первоначально машины класса «Фалангер» весили пятьдесят тонн. Последующие усовершенствования шасси привели к их утяжелению, и окончательная модель весила уже на десять тонн больше.

10

Относительно судьбы Семена, Яны и Андора см. «Остров надежды» в издании «Роза для киборга», ЭКСМО, 1999 г.

11

МаРЗ — Малый Разведывательный Зонд.

12

Позже данное место получит короткое и емкое название: Мемориал. Сюда будут приходить люди, чтобы отдать дань памяти всем жертвам безумия Первой галактической войны. О судьбе колонии Сферы Дайсона, а также более позднее описание Мемориала см. «Галактический Вихрь». ЭКСМО, 1999–2000 гг.